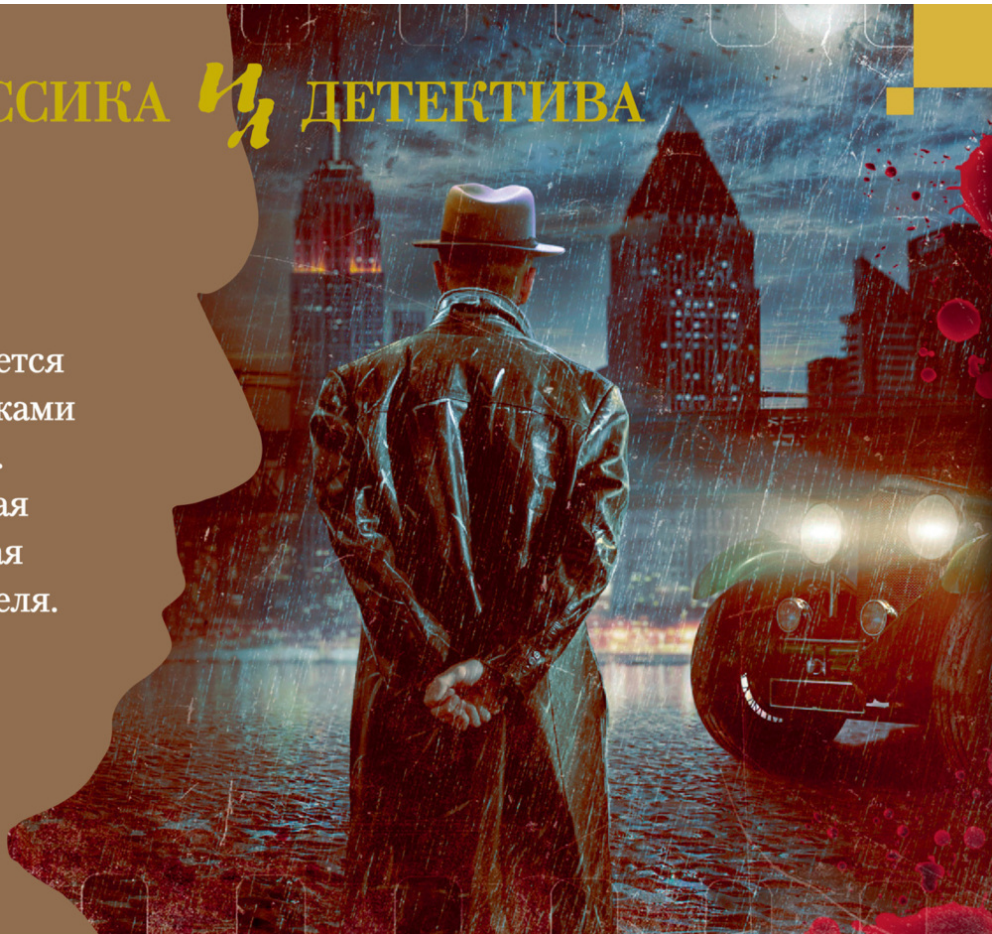

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Убийство
троих

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Классика детектива

Рекс Стаут

Убийство троих

«Азбука-Аттикус»

1961, 1962

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Убийство троих / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус», 1961,
1962 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-21586-3

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. «Когда позвонили в дверь, я стоял в кабинете, сунув руки в карманы, и разглядывал галстук на столе Ниро Вулфа. Поскольку, если бы галстука не было, история вышла бы другая или, возможно, и не было бы никакой, я лучше расскажу все с начала. К ланчу Вулф надел галстук из тускло-коричневого шелка с желтыми завитками, подаренный на Рождество бывшим клиентом. Когда Фриц, убрав остатки свиных ребрышек, расставлял на столе тарелки с сыром и салатом, то заметил, что Вулф капнул на галстук соусом, и Вулф промокнул пятно салфеткой, а после, когда мы перешли из столовой в кабинет, снял галстук и положил на стол. Вулф терпеть не может пятен у себя на одежде, даже если его никто не видит. Однако он не счел нужным подняться в свою комнату, чтобы надеть другой, так как мы не ждали посетителей, и в четыре часа отправился в оранжерею под крышей на вечернюю встречу со своими орхидеями, с расстегнутым воротом, а галстук остался лежать на столе...»

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21586-3

© Стаут Р. Т., 1961, 1962
© Азбука-Аттикус, 1961, 1962

Содержание

Раз, два, три, убийцей будешь ты	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Рекс Стаут Убийство троих

Rex Stout
HOMICIDE TRINITY

Copyright © 1961, 1962 by Rex Stout

© Н. А. Вуль, перевод, 2014

© А. В. Санин, перевод, 1996

© Т. Н. Чернышева, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

Раз, два, три, убийцей будешь ты

Глава 1

Когда позвонили в дверь, я стоял в кабинете, сунув руки в карманы, и разглядывал галстук на столе Ниро Вулфа.

Поскольку, если бы галстука не было, история вышла бы другая или, возможно, и не было бы никакой, я лучше расскажу все с начала. К ланчу Вулф надел галстук из тускло-коричневого шелка с желтыми завитками, подаренный на Рождество бывшим клиентом. Когда Фриц, убрав остатки свиных ребрышек, расставлял на столе тарелки с сыром и салатом, то заметил, что Вулф капнул на галстук соусом, и Вулф промокнул пятно салфеткой, а после, когда мы перешли из столовой в кабинет, снял галстук и положил на стол. Вулф терпеть не может пятен у себя на одежде, даже если его никто не видит. Однако он не счел нужным подняться в свою комнату, чтобы надеть другой, так как мы не ждали посетителей, и в четыре часа отправился в оранжерею под крышей на вечернюю встречу со своими орхидеями, с расстегнутым воротом, а галстук остался лежать на столе.

Галстук меня раздражал. Фриц тоже пришел в раздражение, когда в начале пятого заглянул в кабинет сказать, что идет за покупками часа на два. Он увидел галстук, посмотрел на него, поднял брови.

– Неряха, – произнес я.

Фриц кивнул:

– Ты ведь знаешь, как я высоко ценю и уважаю его. Он сильная личность, человек большого ума и, конечно, великий детектив, но есть же предел... Я повар и домоправитель. Нужно знать границы... Кроме того, у меня артрит. У тебя, Арчи, артрита нет.

– Может быть, и нет, – согласился я, – но если говорить о границах, то не только ты о них думаешь. У меня перечень обязанностей длиной в милю – от полномочного помощника детектива до мальчика на побегушках, – но камердинер в нем не числится. Артрит тут ни при чем. Речь о человеческом достоинстве. Он мог захватить его с собой по пути в оранжерею.

– Положи в стол.

– Это уклонение от решения.

– Полагаю, да. Согласен. Вопрос деликатный. Ну, мне пора, – сказал Фриц и ушел.

Потому в 17:20, закончив с делами, включая пару личных телефонных звонков, я, выйдя из-за своего стола, пялился на галстук, и тут позвонили в дверь. Вопрос стал еще деликатнее. Галстук с жирным пятном не должен лежать на столе у сильной личности, человека большого ума при посторонних. Но я уже пошел на принцип, к тому же позвонить мог и почтальон с посылкой. Я вышел в прихожую посмотреть, кто это, и через одностороннее стекло в двери увидел незнакомую женщину средних лет, остроносую, с круглым подбородком, отнюдь не идеальным, в практичном сером пальто и черной шляпке-тюрбане. Посылки в руках не было. Я открыл дверь и поздоровался. Она сказала, что ей нужен Ниро Вулф. Я ответил, что мистер Вулф занят и, кроме того, он принимает только по предварительной договоренности. Она заявила, что знает, но у нее срочное дело. Ей нужно его увидеть, и потому она подождет, пока он не освободится.

Тут сошлось несколько факторов: в тот момент у нас не было срочных дел; новый год только начался, и подходящий налог был уже уплачен; мне хотелось заниматься чем-то, помимо ведения карточек по статистике роста орхидей; я разозлился за галстук; она не напирала, а стояла перед дверью спокойно и смотрела на меня своими темными добрыми глазами.

– Ладно, – сказал я, – подумаю, чем вам помочь.

Я отступил в сторону, пропуская ее в дом. Помог ей снять пальто, повесил его на вешалку и проводил в кабинет, где предложил сесть не в красное кожаное кресло перед столом Вулфа, а в желтое, рядом со мной. Она села – спина прямая, ноги вместе – симпатичные маленькие ножки в довольно практичных серых туфлях. Я сказал, что Вулф освободится только в шесть.

– Было бы неплохо, – начал я, – если бы я заранее предупредил его о вас. Собственно говоря, так я и должен сделать. Меня зовут Арчи Гудвин. А вас?

– Я о вас слышала, – ответила она. – Естественно. Иначе бы я к вам не пришла.

– Большое спасибо. Некоторые, если обо мне слышали, реагируют иначе. Так как же вас зовут?

Она внимательно меня изучала.

– Не хотелось бы говорить, пока мистер Вулф не скажет, что берется за мое дело. Дело у меня личное. Очень конфиденциальное.

– Не выйдет, – покачал я головой. – Вам придется сначала рассказать ему, в чем суть дела, а уж потом он решит, братья или нет, а я при этом буду присутствовать. Так как? К тому же, прежде чем он решит, встретаться с вами или нет, я должен буду ему сказать о вас не только то, что вам тридцать пять лет, вес сто двадцать фунтов, серег не носите.

Она почти улыбнулась:

– Мне сорок два.

– Вот видите? – хмыкнул я. – Необходимы факты. Кто вы такая и что вам нужно.

Рот у нее приоткрылся.

– Дело очень конфиденциальное. – (И еще немного открылся.) – Но какой смысл приходить, если ничего не рассказывать.

– Правильно.

Она сцепила пальцы:

– Хорошо. Зовут меня Берта Аарон. С двумя «а». Я личный секретарь мистера Ламонта Отиса. Он старший партнер в юридической фирме «Отис, Эдей, Хайдекер и Джетт». Офис находится на углу Мэдисон-авеню и Пятьдесят первой улицы. Недавно меня кое-что встревожило, и я хочу, чтобы мистер Вулф провел расследование. Я в состоянии заплатить ему приличный гонорар, но обстоятельства могут сложиться так, что заплатит фирма. Возможно.

– Вас сюда прислал кто-нибудь из компании?

– Нет. Меня никто не прислал. Никто не знает, что я здесь.

– Что произошло?

Она крепче сцепила пальцы:

– Может быть, мне не следовало приходить. Я не поняла... Может быть, не нужно.

– Как хотите, мисс Аарон. Вы мисс Аарон?

– Да. Я не замужем. – Она расцепила пальцы и тут же стиснула кулаки и сжала рот. – Глупо. Я должна это сделать. Я многим обязана мистеру Отису. Я работаю с ним двадцать лет, и он всегда относился ко мне замечательно. Я не могу пойти с этим к нему, потому что ему семьдесят пять лет и у него слабое сердце, а это может его убить. Он каждый день приходит на работу, хотя ему это трудно, и он мало что делает, но знает больше, чем все они, вместе взятые. – Она разжала кулаки. – А произошло то, что я видела одного человека из нашей фирмы в компании с нашим противником, который участвует вместе с нами в одном очень важном для нас деле, одном из самых важных, какие мы вели, причем видела их там, куда они явно пришли только потому, что хотели сохранить свою встречу в тайне.

– Вы имеете в виду с адвокатом противоположной стороны?

– Нет. С клиентом. Если бы с адвокатом, я, наверное, не удивилась бы.

– Как зовут человека из вашей фирмы?

– Не скажу. И мистеру Вулфу тоже, пока он не даст согласие. Чтобы принять решение, имя знать не обязательно. Вы спросили, зачем я тут, и я объяснила, почему не могу пойти

к мистеру Отису и почему не решила обратиться к другим компаньонам. Если один стал работать против интересов фирмы, то с ним заодно может оказаться и второй, и даже третий. Откуда мне знать? У нас всего четыре главных партнера, хотя, конечно, есть не только они, есть еще девятнадцать ассоциированных. Сейчас я не могу доверять никому, не в таком вопросе, как этот. – Она снова сжала кулаки. – Вы, наверное, уже поняли. Видите, в какое сложное положение я попала.

– Вижу. Но вы можете ошибаться. Это, безусловно, неэтично, когда адвокат встречается с клиентом противной стороны, но ведь бывают исключения. Встреча могла произойти случайно. Когда и где вы их видели?

– В прошлый понедельник, сегодня ровно неделя. Вечером. Они сидели вдвоем в отдельной кабинке в дешевом ресторанчике, больше похожем на закусочную. Она не могла там оказаться случайно, не могла. Она вообще не ездит в эту часть города. Обычно и я туда не езжу, но в тот раз у меня было поручение, а в ресторанчик я зашла позвонить. Они меня не заметили.

– Значит, этот ваш партнер – женщина?

Глаза у нее округлились.

– О-о! Я сказала «она». Я имела в виду: «противная сторона». У нас есть адвокат-женщина среди ассоциированных партнеров, хотя на самом деле она просто наемный сотрудник, но среди старших партнеров женщин нет. – Она сцепила пальцы. – Это не может быть случайностью. Хотя совпадения, конечно, бывают... обыкновенные совпадения, так что он, вполне возможно, не предатель, и всему этому есть объяснение, и потому я совсем не знала, что делать. Но затем решила. Промучившись неделю, я поняла, что больше этого не вынесу, и сегодня подумала, что единственное, что я могу сделать, – это сказать все ему и посмотреть на реакцию. Если я в ответ услышу разумное объяснение, значит все в порядке. Он повел себя так, что никаких сомнений быть не может. Это предатель.

– Что же он сказал?

– Дело не в том, что он сказал, а в выражении его лица. Он сказал, что может все объяснить, что действует в интересах нашего клиента, но пока не вправе сказать мне больше, расскажет позже, в зависимости от того, как будут развиваться события. Наверняка через неделю, а может быть, даже завтра. Я поняла, что должна что-то сделать, но побоялась идти к мистеру Отису, так как в последнее время его часто беспокоит сердце, и я не захотела идти к другим партнерам. Мне даже пришло в голову, не съездить ли к адвокату другой стороны, но эту мысль я, конечно, отвергла. Потом я вспомнила про Ниро Вулфа, встала, надела пальто, шляпу и приехала. Это очень важно. Понимаете ли вы, как это важно?

– Возможно, вы правы, – кивнул я. – Зависит от характера дела. Мистер Вулф, возможно, согласился бы за него взяться и не зная имени предполагаемого предателя, но что за дело ведет ваша фирма, ему необходимо знать. Есть вещи, с которыми он не хочет соприкасаться даже косвенно. Что за дело?

– Я не хочу... – Она не договорила. – Ему действительно это нужно знать?

– Разумеется. Но так или иначе, вы сказали название своей фирмы и сказали, что клиент противоположной стороны женщина, так что я мог бы... Впрочем... Я читаю газеты. Ваш клиент Мортон Сорелл?

– Да.

– А клиент противоположной стороны – его жена, Рита Сорелл?

– Да.

Я взглянул на свои часы и, так как они показывали 17:39, встал, сказал ей: «Скрестите пальцы и сидите смирно» – и направился из кабинета в прихожую. Появились два новых фактора, и эти факторы теперь доминировали над остальными: если первый в новом году взнос на наш депозит пополнится из кошелька Сореллов, это будет отнюдь не пустячок; а дела, к которым Вулф не хотел иметь отношение даже косвенно, – это дела о разводе. Задача была не

из простых, и потому, пока я взбегал по лестнице в оранжерею под крышей старого особняка из бурого песчаника, извилины мои работали активнее, чем ноги. Перед дверью оранжереи я остановился не для того, чтобы отдышаться, а чтобы продумать свой выход, но продумывать не стал, так как решение все равно будет зависеть от его настроения, и вошел. Вы, наверное, считаете, что невозможно пройти между скамьями, на которых стоят орхидеи во всех трех помещениях оранжереи – прохладном, тропическом и умеренном, – не заметив их яркого великолепия, но в тот раз я это сумел, то есть не глядя протопал мимо них в горшечную.

Вулф сидел на скамейке у стенки и разглядывал в лупу псевдобульбу. А Теодор Хорстман, четвертый обитатель нашего дома, весивший ровно вдвое меньше Вулфа – 137 фунтов против 270, – открывал пакет с осмундой.

– Прошу прощения за то, что прерываю, но у меня вопрос.

Вулфу понадобилось десять секунд, чтобы смириться с тем, что он меня слышал, после чего опустил лупу и спросил:

– Сколько времени?

– Без девятнадцати шесть.

– Подожди девятнадцать минут.

– Я подожду, но есть одна загвоздка. Если вы спуститесь в кабинет и обнаружите там ее без предупреждения, то ничего не выйдет.

– Кто там?

– Женщина. Зовут Берта Аарон. Пришла без приглашения. Она в сложном положении, а сложность для нас новая. Я поднялся предупредить, чтобы вы сразу сказали, спуститься мне и выставить ее или спуститесь вы и послушаете, в чем дело.

– Ты мне мешаешь. Ты нарушил наш уговор.

– Знаю, но я уже извинился, а так как я все равно помешал, то доложу. Она личный секретарь Ламонта Отиса, старшего партнера...

Я начал рассказывать, а он, по крайней мере, не разглядывал в лупу псевдобульбу. В какой-то момент у него даже заблестели глаза. Он не раз заявлял – мне лично, – что единственная сила, которая заставляет его работать, – это стремление жить так, как он считает приемлемым, в собственном особняке на Западной Тридцать пятой улице Манхэттена, с Фрицем в роли повара, с Теодором в роли орхидейной няньки и со мной в роли козла (слово не его), но тогда блеск в глазах не имел отношения к возможному гонорару, так как я не успел сказать про Сорелла. Он появился в тот момент, когда я сказал про сложность нового рода. С какой мы не сталкивались.

Тут я подошел к самой сложной части:

– Между прочим, есть одна маленькая деталь, которая вам, наверное, не понравится, но она второстепенная. Дело, с которым она к нам пришла, связано с клиентом ее фирмы Мортон Сореллом. Вы о нем слышали.

– Разумеется.

– А клиент противоположной стороны, с которым встретился партнер Отиса, – это миссис Мортон Сорелл. Вы, может быть, помните, что высказались о ней примерно месяц назад после статьи в утренней газете. Там говорилось, что она хочет получать за право на раздельное проживание тридцать тысяч в месяц, но в городе говорят, что он добивается развода, а она за это требует тридцать миллионов, и, вероятно, именно это дело их фирмы имеет в виду миссис Аарон. Но в любом случае это – детали. Миссис Аарон хочет только...

– Нет. – Он посмотрел на меня сердито. – Так вот почему ты сюда прискакал.

– Я не скакал. Я шел.

– Ты прекрасно знаешь, что я не возьмусь за это дело.

– Я знаю, что вы не стали бы искать поводы для развода, и я не стал бы. Знаю, что вы не будете искать для жены улики против мужа, и наоборот, но кто нас об этом просит? Вам не придется даже...

– Нет! Нет, не хочу. Вполне возможно, что центральная точка здесь – грызня между супругами. Не хочу! Выпроводи ее.

Что ж, я сделал что-то не так. Или не сделал. Затея была безнадежной с самого начала и закончилась бы неудачей, как бы я ни старался. В любом случае она провалилась. Я этого не люблю и решил, что хуже не будет, если еще немного попытаюсь его переубедить, чем и занимался добрых десять минут, но решение его не изменилось, и атмосфера не стала лучше. Он закончил этот разговор, сказав, что идет к себе за другим галстуком, а я не буду ли так любезен позвонить ему по внутреннему телефону и дать знать, когда она уйдет.

Пока я спускался, меня терзало искушение. Хотелось ему позвонить и сказать, что не она ушла, а что мы уходим, что я беру отгулы и собираюсь ей помочь. Искушение было не новым. Когда-то я чувствовал подобное, хотя, должен признать, в прежние разы это чувство было несколько приятнее. Во-первых, она могла взять и отвергнуть мои услуги, а мне одного провала за день достаточно. Потому, спустившись и направляясь в кабинет, я постарался придать своему лицу такое выражение, чтобы она сама сразу поняла, с чем я вернулся. Но, войдя в кабинет, я его изменил – вернее, оно само изменилось, – а я встал столбом. На полу я увидел то, чего раньше не было: большой кусок жадеита, который Вулф использовал вместо пресс-папье, хотя оно стояло там же на столе, и Берту Аарон, которая до моего ухода сидела в кресле.

Она лежала на боку – одна нога прямая, другая согнута. Я подошел, сел рядом на корточки. Губы у нее посинели, язык вывалился, открытые глаза выползли из орбит, а на шее был галстук Вулфа, завязанный сбоку узлом. Она и в самом деле ушла. Но в случае удушья, если быстро оказать помощь, шанс есть, и потому я выхватил из своего стола ножницы. Галстук был завязан так туго, что я с трудом поддел его пальцем. Разрезав галстук, я перевернул ее на спину. «Сумасшедший дом, – подумал я, – умерла», – но оторвал от ковра несколько ворсинок, поднес к ноздрям и губам и на двадцать секунд сам перестал дышать. Дыхания не было. Я нажал на ноготь, а когда перестал давить, ноготь остался белым. Кровообращения не было. Но я все еще надеялся, что ей можно помочь, если быстро найду врача, минуты, скажем, за две, и потому прошел к своему столу и набрал номер телефона доктора Волмера, чей дом находился в одной минуте ходьбы от нас. Док оказался на вызове.

– К черту все! – сказал я громче, чем было необходимо, потому что меня никто не слушал, и сел, чтобы перевести дух.

Я сидел и смотрел на нее, может, минуту, только лишь чувствуя, ни о чем не думая. Любая мысль чертовски раздражала. Раздражался на Вулфа, а не на себя, потому что нашел ее в десять минут седьмого, а если бы он спустился со мной ровно в шесть, мы могли бы ее спасти. Потом я потянулся к внутреннему телефону и позвонил, а когда он ответил, сказал:

– О'кей, спускайтесь. Ее больше нет, – и положил трубку.

Из оранжереи он всегда спускается в лифте, но его комната находится лишь на этаж выше. Когда я услышал, как у него открылась, а после закрылась дверь, то поднялся с места и, скрестив на груди руки, встал к входу лицом, в шести дюймах от ее головы. Послышался звук его шагов, а потом он появился. Переступил порог, остановился, вытаращил глаза на Берту Аарон, перевел взгляд на меня и заорал:

– Ты сказал, что ее нет!

– Да, сэр. Нет. Она умерла.

– Что за вздор!

– Нет, сэр, не вздор. – Я сделал шаг в сторону. – Смотрите сами.

Он подошел ближе, все еще негодуя, посмотрел на Берту Аарон секунды три, не больше. Обогнул нас с ней, подошел к своему изготовленному на заказ большому креслу, сел за стол, сделал глубокий вдох, выдох.

– Полагаю, – произнес он без крика, – что, когда ты пошел ко мне наверх, она была жива.

– Да, сэр. Сидела вот в этом кресле. – Я ткнул пальцем. – Одна. И пришла одна. Дверь была, как всегда, на замке. Фриц, как вам известно, ушел за покупками. Когда я увидел ее, она лежала на боку, и я перевернул ее после того, как срезал галстук, чтобы проверить, вдруг дышит. Я позвонил доку...

– Какой галстук?

Я снова ткнул пальцем:

– Этот, который вы оставили на столе. Был у нее на шее. Похоже, ее сначала оглушили этим пресс-папье, – я снова ткнул пальцем, – но судя по лицу, ее задушили галстуком. Я разрезал...

– Ты смеешь предполагать, что ее задушили моим галстуком?

– Я не предполагаю, а констатирую факт. Галстук был затянут скользящим узлом, потом обмотан вокруг шеи второй раз и завязан женским узлом. – Я подошел к тому месту, где бросил галстук, поднял и положил Вулфу на стол. – Смотрите сами. Осмелюсь предположить, что, если бы он не был здесь под рукой, убийце пришлось бы употребить что-нибудь другое, может быть, свой носовой платок. А также, если бы мы спустились немного раньше...

– Замолчи!

– Да, сэр.

– Это невыносимо.

– Да, сэр.

– Я этого не потерплю.

– И не нужно, сэр. Я выброшу галстук, и мы скажем Кремеру, что не важно, чем убийца воспользовался, он, наверное, постоял, убедился, что она мертва, а после унес это с собой.

– Помолчи. Она же сказала тебе, что никто не знал о ее визите к нам.

– Ну конечно. Шансов у нас ни одного, и вы это знаете. Мы влипли. Я не стал звонить, пока вы не спуститесь, только из вежливости. Если я и дальше буду тянуть, станет только хуже, потому что мне все равно придется назвать им точное время, когда я нашел ее. – Я посмотрел на свое запястье. – Прошла двадцать одна минута. Не хотите ли позвонить сами?

Он не ответил. Он смотрел на галстук, стиснув зубы и сжав губы так, что их не было видно. Из вежливости я дал ему пять секунд, после чего ушел в кухню, подошел к столу, за которым завтракал, и набрал номер.

Глава 2

Инспектор Кремер, глава отдела по расследованию убийств Западного Манхэттена, дочитал последнюю страницу моих показаний, которые я отпечатал на машинке и подписал, положил на предыдущие, постучал по ним пальцем и сказал:

– Гудвин, я по-прежнему считаю, что ты лжешь.

Времени было четверть двенадцатого. Мы сидели в столовой. Толпа экспертов закончила изучать кабинет и растаяла, освободив помещение, но особого желания возвращаться туда я не испытывал. Во-первых, они унесли ковер, а также галстук Вулфа, жадеит и еще кое-что. Берту Аарон, конечно, тоже унесли, так что там я больше бы не увидел ее, но даже с учетом этого обстоятельства мне было приятнее сидеть в столовой. Когда закончили снимать отпечатки пальцев, мне принесли туда из кабинета пишущую машинку, и я отпечатал свои показания.

Спустя почти пять часов все наконец ушли, остались только сержант Пэрли Стеббинс, который в тот момент разговаривал по телефону в кабинете, и Кремер. Фриц, совершенно несчастный, допивал в кухне третью бутылку вина. Мало того что он как домоправитель отвечал за дом, а в доме произошло убийство – и этот факт был оскорбительным сам по себе, – еще и Вулф отказался от обеда. И не только от обеда, а вообще от еды. Как ушел к себе часов в восемь, так там и сидел. Фриц поднимался к нему с подносом два раза, а Вулф только рывкал. Когда в 22:30 я принес Вулфу свои показания, потому что он тоже должен был их подписать, и сказал, что внизу снимают ковер, он возмутился, но ничего не предпринял. Так что, учитывая обстановку и мои собственные эмоции, не было ничего удивительного в том, что я, услышав последние слова Кремера, ответил ему без обиняков:

– Я давно пытался вспомнить, кого вы мне напоминаете. Теперь вспомнил. Как-то раз в зоопарке я видел одно животное в клетке. Называется на букву «б». Арестуете меня за это?

– Нет. – Большое круглое лицо инспектора к вечеру всегда становится краснее, чем днем, и седые волосы от этого кажутся белее. – Прибереги свои остроты. Ты не стал бы врать ни о чем таком, что мы можем проверить, но невозможно проверить то, что она тебе рассказала. Ее не спросишь. Верю, что вы с Вулфом никогда не имели дела ни с ней, ни с кем-либо, связанным с этой юридической фирмой, но вы ведь способны что-нибудь утаить. Чтобы после использовать. Ты хочешь, чтобы я поверил...

– Прошу прощения. Мне без разницы, во что вы верите. Мистеру Вулфу – тоже. Вы даже представить себе не можете, до какой степени нам не хотелось вам звонить, но у нас не было выбора, и мы вас вызвали и сообщили обо всем, что тут произошло. Показания перед вами. Но если вы лучше меня знаете, о чем мы с ней говорили, дело ваше.

– Ты меня перебил.

– Ага. Перебил.

– Говоришь, она рассказала о встрече партнера Отиса в дешевом ресторанчике... или закуской... с клиентом противной стороны, назвала день, когда их видела, сообщила, как поговорила с ним сегодня, а также все прочее, включая имя миссис Сорелл, но не назвала имени партнера. Вот в это я не верю. – Он побарабанил по листкам с моими показаниями, подался вперед. – И вот что еще я тебе скажу, Гудвин. Если вы хотите использовать это в личных целях ради гонорара, если вас с Вулфом наняли расследовать это убийство и вы собрались использовать информацию, которую утаили от меня, вы у меня дорого за это заплатите, готов глаз отдать!

Я смотрел на него, склонив голову набок:

– Послушайте, вы явно не понимаете. Об этом уже сказали по радио, а завтра напишут во всех газетах, что женщина, которая пришла к Ниро Вулфу за советом, убита в его кабинете,

задушена его собственным галстуком, пока он развлекался со своими орхидеями и беседовал с Арчи Гудвином. Над нами кони в конюшне и те смеются. Мистер Вулф отказался от обеда, даже не смотрел на еду. Мы поняли, что так и будет, в ту же секунду, когда увидели ее на полу. Если бы мы знали, кто это, если бы она назвала имя, что бы мы сделали? Вам следовало бы знать, раз уж вы утверждаете, что знаете нас. Я бы тотчас пошел за убийцей. Мистер Вулф вышел бы из кабинета, закрыл бы за собой дверь, отправился бы в кухню, когда вернулся Фриц, и пил бы там свое пиво. Когда он пришел бы в кабинет и обнаружил тело, зависело бы от того, когда и что сказал бы я. При определенном везении я привел бы сюда убийцу раньше, чем приехали бы вы и все ваши ученые эксперты. Это не изменило бы того факта, что ее задушили его галстуком, но все-таки принесло бы какое-то удовлетворение. Я говорю это сейчас лишь для того, чтобы показать, что вы нас знаете отнюдь не так хорошо, как вам кажется. А верите вы мне или нет, мне без разницы.

Его цепкие серые глаза прищурились.

– Значит, пошел бы и привел. Того, кто ее убил. А-а? Как он узнал, что она здесь? Как он в дом вошел?

Тут я произнес одно слово, которое здесь опушу, и добавил:

– Опять? Мы уже говорили об этом со Стеббинсом, Роуклиффом и с вами. Теперь все сначала?

– Черт возьми! – Он сложил листки с моими показаниями, сунул в карман, отодвинул стул, встал, рявкнул: – Вы дорого за это заплатите, оба! – и вышел.

По пути к выходу он из прихожей что-то сказал Стеббинсу, который все еще был в кабинете. Упоминаю об этом, чтобы вы поняли, до чего я был выбит из колеи, если даже не пошел его проводить и убедиться, что они взяли только то, что им можно было взять. Вы, наверное, подумали, что Пэрли, проведя в доме пять часов, заглянул в столовую, чтобы попрощаться, – ничего подобного. Я услышал, как хлопнула входная дверь, – это ушел Пэрли. Кремер никогда дверь не хлопает.

Я поглубже устроился в кресле. Без двадцати двенадцать я сказал вслух:

– Наверное, пойду пройдусь, – но на самом деле гулять мне не хотелось.

В 23:45 я встал, взял копии своих показаний, пошел в кабинет и положил их в ящик стола. Осмотревшись, признал, что кабинет они оставили в довольно приличном виде. Принес из столовой пишущую машинку, поставил на место, проверил дверцу сейфа, вышел в прихожую, убедился, что входная дверь заперта, закрыл на цепочку и пошел в кухню. Фриц сидел на моем месте, где я обычно завтракаю, уткнувшись лбом в край стола.

– Напился, – сказал я.

Он поднял голову:

– Нет, Арчи. Я хотел, но не вышло.

– Иди спать.

– Нет. Он голодный.

– Может быть, он теперь навсегда потерял чувство голода. Спокойной ночи.

Я вышел, поднялся на один этаж, повернул налево, постучал в дверь, услышал нечто среднее между рыком и стоном и вошел. Вулф, полностью одетый, при галстукке, сидел в большом кресле с книгой.

– Все ушли, – сообщил я. – Последними – Кремер и Стеббинс. Фриц несет в кухне вахту в надежде, что вы захотите поесть. Позвонили бы ему. А у меня есть ли альтернатива тому, чтобы пойти спать?

– Ты сможешь уснуть? – спросил он.

– Наверное. Я сплю каждую ночь.

– Не могу читать. – Он отложил книгу. – Ты когда-нибудь видел, чтобы я был вне себя?

– Нужно заглянуть в словарь. Что вы имеете в виду?

– В ярости. В бешенстве. В гневе.

– Нет, такого не видел.

– А вот сейчас я именно это и чувствую. Мне мешает. Не могу ясно мыслить. Одно знаю точно: я намерен разоблачить этого мерзавца раньше полиции. Пусть Сол, Орри и Фред придут завтра к восьми. Не имею понятия зачем, но к утру придумаю. Обзвони их и ложись спать, если можешь.

– Могу и не спать, если есть дело поинтереснее.

– Не сегодня. Гнев, он как фурункулы в мозгах, черт возьми! Мысли путаются, как давно не бывало. Никогда бы не подумал...

Тут раздался звонок в дверь. Теперь, когда армия агрессоров от наших рубежей отступила, так как Кремер не позволил войти в дом ни репортерам, ни фотографам, этого следовало ожидать. Спускаясь вниз от Вулфа, я подумывал, не отключить ли на ночь звонок, и уже решил было так и сделать. Фриц стоял на пороге кухни и при виде меня с облегчением вздохнул. Он успел включить на крыльце свет.

Если посетитель и был репортером, то явно ветераном газетного дела. Пришел не один, а с подкреплением либо с подругой, которую взял с собой, чтобы не скучно было ходить по ночам в гости. Я не спешил открывать и разглядывал их в одностороннее стекло. Он был ростом шесть футов, в хорошо скроенном и хорошо подогнанном темно-сером пальто, со светло-серым шерстяным шарфом и в серой фетровой шляпе, с тощим длинным лицом, изрезанным четкими линиями. Она, возможно, была его внучкой, маленькой и хорошенькой, но ее я рассмотреть не смог, так как шубка была застегнута, а отороченная мехом шляпка-клош скрывала лицо, оставляя для обзора лишь щеки и подбородок. Я снял цепочку, открыл дверь и сказал:

– Слушаю, сэр.

– Меня зовут Ламонт Отис. Это дом мистера Ниро Вулфа?

– Верно.

– Я должен встретиться с ним. По поводу моего секретаря, мисс Берты Аарон. В полиции мне сообщили, что произошло. А это мисс Энн Пейдж, моя коллега, наш сотрудник. Полагаю, при данных обстоятельствах мой визит более чем оправдан. Надеюсь, мистер Вулф не откажет меня принять.

– Я тоже надеюсь, – согласился я. – Но если не возражаете, сначала...

Я вышел за порог, подошел к ступенькам и крикнул:

– Есть там кто? Джиллиан? Мёрфи? Подойдите на минутку!

Из тени дома на противоположной стороне улицы возникла фигура. Я разглядел его, пока он шел к нам через дорожку, а когда подошел, сказал ему:

– А-а, Уайли. Поднимитесь, пожалуйста.

Уайли стоял внизу перед нашим крыльцом в семь ступенек.

– Чего ради? – спросил он.

– Могу ли я узнать, с какой целью? – поинтересовался Ламонт Отис.

– Можете. Инспектор полиции Кремер грозился отдать глаз, если мы сделаем что-то не так, и мне было бы стыдно, случись это по моей вине. Так что буду очень признателен, если вы ответите на простой вопрос в присутствии полицейского: просил ли вас сюда приехать мистер Вулф или я?

– Разумеется, нет.

– Приняли ли вы решение явиться сюда самостоятельно?

– Да. Но я не...

– Прошу прощения. Слышали, Уайли? Включите в отчет. Это спасет Кремеру лишние нервы. Благодарю за...

– Кто он такой? – потребовал от меня ответа детектив.

Этот вопрос я оставил без ответа. Вернулся в дом, пригласил посетителей войти, запер дверь и закрыл ее на цепочку. Отис позволил мне взять у него пальто и шляпу, но Энн Пейдж раздеваться не стала. Отопление на первом этаже к ночи отключали. В кабинете она, усаживаясь в желтое кресло, шубку расстегнула, но не сняла. Я подошел к термостату на стене, установил реле на семьдесят¹, подошел к своему столу и позвонил Вулфу по внутреннему телефону. Следовало бы подняться за ним, так как он вполне мог отказаться встречать посетителей, пока у него в мозгах прыщ, но я уже раз оставил посетительницу без присмотра, и с меня было достаточно.

– Да? – рыкнул в трубке Вулф.

– Пришел мистер Ламонт Отис. А также мисс Энн Пейдж, тоже адвокат. Он думает, что их визит в этот час при данных обстоятельствах можно считать оправданным.

Вулф не ответил. Секунд пять в трубке висела тишина, а затем он отключился. Держать возле уха немую трубку глупо, потому я опустил ее, но лицом к гостям не повернулся. На этот раз тут и деньгами не пахло. Я посмотрел на свои часы. Если через пять минут не придет, я сам пойду за ним. Развернувшись, я сказал Отису:

– Пожалуйста, подождите немного.

Он кивнул:

– Это произошло в этой комнате?

– Да. Она лежала там.

Я показал на пол в нескольких дюймах от ног Энн Пейдж. Отис сидел в красном кожаном кресле перед столом Вулфа.

– Там был ковер, но его забрали на экспертизу. Они, конечно... Прошу прощения, мисс Пейдж. Мне не следовало показывать на место.

Она отодвинулась вместе с креслом назад и закрыла глаза.

Сглотнула и снова открыла глаза. При том освещении они казались черными, хотя вполне могли оказаться и темно-фиолетовыми.

– Вас зовут Арчи Гудвин, – произнесла она.

– Точно.

– Это вы... вы ее нашли.

– Точно.

– Она... Ее... Как?..

– Ее ударили по затылку куском жадеита и задушили галстуком, который случайно оказался здесь на столе. Никаких признаков борьбы. От удара она, вероятно, потеряла сознание, так что...

Поскольку в этот момент я говорил, то не услышал шагов Вулфа на лестнице. Он вошел, остановился, на одну восьмую дюйма наклонил голову в поклоне, приветствуя Энн Пейдж, потом – Отиса, подошел к своему креслу, сел за стол и нацелился взглядом на Отиса:

– Вы и есть мистер Ламонт Отис?

– Именно.

– Должен принести свои извинения. Не могу подобрать слов. Ваша бесценная доверенная сотрудница умерла насильственной смертью под моей крышей. Вы ведь наверняка высоко ее ценили и доверяли ей?

– Да.

– Глубоко сожалею. Если вы пришли меня упрекнуть, я готов это принять.

– Я пришел не для того, чтобы вас упрекать. – При более ярком свете четкие линии лица Отиса казались морщинами. – Я пришел выяснить, что произошло. В полиции и в офисе окружного прокурора мне сообщили, каким образом ее убили, но не объяснили, зачем она

¹ 70 градусов по Фаренгейту – 21,1 градуса по Цельсию.

пришла к вам. Думаю, знают, но умалчивают. Полагаю, я имею право знать. Берта Аарон была моим доверенным секретарем много лет, а я, доверяя ей все, даже не подозревал, что у нее могли быть затруднения, которые заставят ее обратиться к другому человеку. Почему она пришла к вам?

Вулф потер нос пальцем и посмотрел на него оценивающе:

– Сколько вам лет, мистер Отис?

Энн Пейдж, похоже, поперхнулась. Ее старший коллега, который наверняка за свою карьеру сумел легко отклонить тысяч десять неуместных вопросов, сказал просто:

– Мне семьдесят пять. Но к чему это?

– Не хочу, чтобы мне еще раз пришлось извиняться за то, что у меня в кабинете кто-то умер, теперь по моей вине. Мистеру Гудвину мисс Аарон сказала, что она, столкнувшись с проблемой, не обратилась к вам, потому что боялась вас огорчить. Точные слова, Арчи?

Я всегда был готов:

– «У него слабое сердце, и это может его убить».

Отис фыркнул:

– Чепуха! У меня и в самом деле стало барахлить сердце, так что пришлось снизить темпы, но для того, чтобы меня убить, нужно больше, чем просто проблема. Я всю жизнь имею дело с проблемами, а среди них попадаются сложные.

– Она преувеличивала, – заявила Энн Пейдж. – То есть мисс Аарон. Она была так предана мистеру Отису, что преувеличивала опасность его болезни.

– Почему вы его сопровождаете? – поинтересовался Вулф.

– Не из-за его здоровья. Мы у него дома работали над письмом, когда позвонили и сообщили о Берте, а когда он решил поехать к вам, то попросил меня его сопровождать. Я умею стенографировать.

– Вы слышали слова мисс Аарон, которые передал мистер Гудвин. Если я скажу мистеру Отису то, что боялась сказать она, возьмете ли вы на себя ответственность за последствия?

Тут Отис взорвался:

– Черт возьми, я возьму на себя ответственность! Это мое сердце!

– Сомневаюсь, – возразила Энн Пейдж, – что последствия от того, что вы скажете, будут хуже, чем если не скажете. Ответственность на себя я не возьму, но буду свидетельствовать в том, что он настаивал.

– Я не только настаиваю, – сказал Отис. – Я заявляю о своем праве на информацию, поскольку она наверняка касается меня.

– Хорошо, – согласился Вулф. – Мисс Аарон приехала без предварительного звонка сегодня – вернее, уже вчера – в двадцать минут шестого. Примерно двадцать минут она беседовала с мистером Гудвином, после чего он поднялся ко мне наверх доложить о ней. В кабинете он отсутствовал полчаса. Она в это время находилась на первом этаже одна. Какую картину мистер Гудвин увидел, когда вернулся, вам известно. На этот счет он дал полиции подробные показания, в том числе и о содержании их беседы. – Вулф повернул ко мне голову. – Арчи, дай мистеру Отису копию показаний.

Я достал из стола бумаги и протянул Отису. На секунду мне захотелось встать с ним рядом на случай, если Берта Аарон не ошиблась и ему в самом деле может понадобиться помощь, но оттуда мне было не видно выражения его лица, потому я вернулся на свое место. Впрочем, человек, который полвека проработал адвокатом, умел управлять своим лицом. Один раз я заметил, как у него немного напряглась челюсть, и еще – как дрогнул мускул на шее. Отис прочел показания дважды: сначала бегло, потом медленно. Закончив, он аккуратно сложил листки и с немного рассеянным видом принялся убирать их в нагрудный карман пиджака.

– Нет! – воскликнул Вулф. – Я поделился с вами информацией, однако это копия показаний. Вы не можете ее забрать.

Отис не обратил на его слова внимания. Он перевел взгляд на свою помощницу, и мускул на шее у него снова дрогнул.

– Зря я взял вас с собой, Энн, – сказал он. – Вы должны уйти.

Она посмотрела ему в лицо:

– Поверьте, мистер Отис, на меня можно положиться. В любом вопросе. Поверьте. Если дело настолько плохо, вы не должны брать все на себя.

– Должен. И в этом вопросе вы мне не поможете. Вам нужно уйти.

– Можете подождать в гостиной, мисс Пейдж, – предложил я. – Там хорошая звукоизоляция.

Ей это не понравилось, но она подчинилась. Я открыл смежную дверь в гостиную, включил свет, после чего вышел через другую дверь в прихожую, запер ее, а ключ положил в карман. В кабинете Отис спросил у меня:

– Насколько тут хорошая звукоизоляция?

– Хоть кричите, там не слышно, – ответил я.

Он посмотрел на Вулфа:

– Неудивительно, что мисс Аарон посчитала эту информацию для меня убийственной. Говорите, у полиции это есть?

– Есть. Разговор мы продолжим после того, как вы вернете копию. Мистер Гудвин ничем не может подтвердить свои слова. Эти бумаги для него опасны, и он написал их исключительно под давлением полиции.

– Но мне нужно...

– Арчи! Забери...

Я поднялся. Разумеется, для его сердца это явится испытанием. Но едва я сделал шаг в его сторону, как он потянулся к карману, а когда я подошел, он сам достал бумаги и протянул мне.

– Так-то лучше, – проворчал Вулф. – Я принес вам свои извинения и соболезнования, мы предоставили вам всю информацию, которой владеем. Добавлю еще, что, во-первых, ни я, ни мистер Гудвин не раскроем без вашего согласия ни один факт, имеющийся в показаниях, третьим лицам; а во-вторых, моя самооценка серьезно пострадала, потому я очень надеюсь получить моральную компенсацию, разоблачив убийцу. Разумеется, полиция тоже будет его искать, но, по моему мнению, это лично моя задача. Я буду рад вашей помощи, хотя не в качестве клиента. Денег я от вас не приму. Я понимаю, что сейчас вы в состоянии шока, вы потрясены и убийством, и той катастрофой, которая грозит вашей фирме, но, когда вы придете в себя, вам, возможно, захочется свести ущерб к минимуму, самостоятельно разобравшись с предателем и позволив преступнику уйти от ответа. Если при этом вы будете действовать с известной долей осторожности, то вам, возможно, удастся одурачить полицию, но не меня.

– Вы делаете абсолютно необоснованное предположение, – сказал Отис.

– Я не делаю никакого предположения. Я лишь сообщаю о своих намерениях. Основная версия полиции, а также и моя, очевидна: мисс Аарон убил кто-то из ваших сотрудников или партнеров. Конечно, закон не требует, чтобы в ходе судебного процесса обсуждались мотивы преступления, но в данном случае это неизбежно. Можете ли вы утверждать, что не попытаетесь этому воспрепятствовать? Не будете считать своей главной задачей спасение репутации фирмы?

Отис открыл рот и снова закрыл.

– Я так и подумал, – кивнул Вулф. – В таком случае советую постараться мне помочь. Если вы согласитесь, у меня будет два обязательства: поймать убийцу и сделать так, чтобы ваша фирма пострадала как можно меньше. Если нет, обязательство у меня будет только одно. Что до полиции, сомневаюсь, чтобы они ждали от вас сотрудничества, поскольку они не глупы. Они, конечно, понимают, что у вас в этом деле есть более глубокий интерес, чем поиск справедливости. Ваше решение, сэр?

Отис сидел, подавшись в кресле вперед, и разглядывал тыльную сторону левой ладони, которая обхватывала колено. Изучив ее достаточно, он перевел взгляд на правую, а когда изучил и эту, поднял голову:

– Вы употребили слово «версия». Факт нам известен один: некто... возможно, имеющий отношение к моей фирме... убил мисс Аарон. Это все. Откуда он узнал, что она здесь? Она же сказала: никто не знал, куда она направляется.

– Он мог просто проследить за ней. Вероятно, она приняла решение после разговора с ним. Арчи?

– Если она пошла пешком, – сказал я, – это заняло от пятнадцати до двадцати пяти минут, в зависимости от ее темпов. В такое время дня такси поймать трудно, а в центре они еле ползут. Проследить же за ней на улице было бы легче легкого.

– Как он мог попасть в дом? – требовательно спросил Отис. – Незаметно прошмыгнул мимо, когда вы ее впустили?

– Нет. Вы прочли показания. Он мог видеть, как она вошла сюда, мог знать, что это дом Ниро Вулфа. Предположим, он позвонил сюда из телефонной будки, а трубку сняла она. Зазвонил телефон. – Я похлопал по своему аппарату. – Я ушел, а она, много лет работавшая секретарем, машинально сняла трубку. Я не перевел звонки, и потому звонка в оранжерею не было. Он должен был позвонить в кухне, но Фриц отправился за покупками. Она ответила на звонок, и он сказал ей, что им нужно встретиться немедленно, он все объяснит, и тогда она велела ему прийти сюда. Она встретила его и впустила в дом. Вначале он наверняка мог лишь надеяться как-нибудь потянуть время, но, выяснив, что, кроме нее, на всем этаже никого нет и что она еще не встретилась с мистером Вулфом, он принял другое решение. На все про все хватило бы двух минут, если не меньше.

– Это ваши домыслы.

– Конечно, меня тут не было. Но все сходится. Если у вас есть версия получше, я готов сесть и стенографировать.

– Полиция снимала здесь отпечатки пальцев?

– Само собой. Но на улице ниже нуля, и думаю, ваши сотрудники все носят перчатки.

– По вашей версии, он узнал, что она не встретилась с Вулфом, но она ведь все рассказала вам.

– Ему она об этом не сообщила. Он с двух слов мог понять, что она ждет мистера Вулфа. Либо так, либо она сказала, но он все равно ее убрал. Первый вариант логичнее и больше мне нравится.

Некоторое время Ламонт Отис разглядывал меня, потом закрыл глаза и подался вперед. Открыл, перевел взгляд на Вулфа:

– Мистер Вулф, я оставлю без комментариев ваше предположение, будто я способен предпочесть личные соображения свершению правосудия. Вы попросили о помощи. Как я могу помочь?

– Предоставьте информацию. Ответьте на мои вопросы. Вы опытный человек, и вы сами понимаете, о чем я могу спросить.

– Мне проще будет это понять, когда я услышу вопросы. Начинайте, посмотрим.

Вулф поднял глаза на часы на стене:

– Сейчас почти час ночи, а это затянется. Мисс Пейдж наверняка устанет ждать.

– Конечно, – согласился Отис и посмотрел на меня. – Не попросите ли ее вернуться?

Я встал и направился к смежной двери между кабинетом и передней гостиной. Открыл и хотел было что-то сказать, но остался стоять с разинутым ртом. В гостиной никого не было. Из распахнутого окна тянуло холодом. Направляясь к нему, я уже готов был увидеть ее на асфальте, с каким-нибудь моим галстуком на шее, хотя я своих вещей не разбрасываю. К моему облегчению, под окном было пусто.

Глава 3

За моей спиной из кабинета раздался рык:

– Арчи! Что, черт возьми, ты там делаешь?!

Я закрыл окно, окинул взглядом гостиную в поисках следов борьбы или оставленной нам записки. Не увидел ни того ни другого и вернулся.

– Ее нет, – сказал я. – Записки тоже. Когда я...

– Зачем ты открыл окно?

– Я не открыл, а закрыл. Я ее там запер, чтобы она не вышла и не услышала чего не нужно, так что, если ей всего лишь надоело ждать, выход у нее был только через окно.

– Она сбежала? – не поверил Отис.

– Да, сэр. Это лишь мои домыслы, но все сходится. Окно открыто, а ее нет ни в гостиной, ни под окном гостиной. Я посмотрел.

– Не могу поверить! Мисс Пейдж, такая здравомыслящая, надежная... – Он не договорил. – Нет... Нет! Я больше не знаю, кто у нас надежный. – Он положил локоть на подлокотник, оперся лбом на руку. – Не дадите ли мне стакан воды?

Вулф предложил бренди, но Отис сказал, что ему нужна вода, и я пошел в кухню, где налил ему стакан. Он достал из кармана маленькую металлическую коробочку, вынул из нее две таблетки и запил их.

– Помогают? – спросил Вулф. – Таблетки.

– Да. Таблетки-то надежные. – Он вернул мне стакан.

– Ну раз ее нет, может быть, мы продолжим?

– Конечно.

– Не догадываетесь ли вы, почему мисс Пейдж сбежала?

– Нет. Это что-то невероятное. Черт возьми, Вулф, я вообще ни о чем не догадываюсь! Неужели вы не видите, как я растерян?

– Вижу. Может быть, нам отложить беседу?

– Нет!

– Хорошо... Позволю себе сделать предположение, что мисс Аарон убита сотрудником вашей фирмы... Назовем его Икс. Мое предположение строится на том, что в беседе с мистром Гудвином она говорила искренне и приводила факты, соответствующие действительности. Не могли бы вы опротестовать мое предположение?

Отис посмотрел на меня:

– Нужны детали. О чем она вам сказала, я знаю из показаний, манера там описана в самом деле похожая, но вот как она говорила... голос, интонация? Не показалось ли вам, что она... в некоторой степени... э-э-э... выбита из колеи? Немного не в себе?

– Нет, сэр, – отвечал я. – Она сидела – спина прямая, ноги вместе, смотрела мне в лицо.

– Похоже на нее, – кивнул он. – Очень похоже. – Он обратился к Вулфу: – Здесь и сейчас, в частной беседе, мне нечего опротестовывать.

– Следующее предположение: ее убил Икс.

– Это я не могу ни опротестовать, ни принять.

– Пф! Вы же не страус, мистер Отис. Далее: если мисс Аарон не исказила фактов, то из этого должно следовать, что Икс обладал информацией, которая могла существенно укрепить позицию миссис Сорелл в ее тяжбе с мужем, то есть с вашим клиентом. Верно ли это?

– Разумеется. – Отис хотел что-то добавить, но передумал, потом снова передумал и все же сказал: – Опять же только здесь и сейчас, в частной беседе: два слова о судебной тяжбе. Это шантаж. Формально – нет, конечно, но по сути шантаж. Ее требования надуманны и непомерны. Это грабеж.

– А кто-то из ваших партнеров дает ей в руки оружие. Как по-вашему, кто он? Или они?

Отис покачал головой:

– Я не буду отвечать на этот вопрос.

Вулф поднял брови:

– Сэр? Если вы согласились помочь, это самое меньшее, что можно сделать. Если вы решили отвергнуть мое предложение, так и скажите, я справлюсь сам. Полиция найдет ответ на него как на один из основных вопросов не сегодня-завтра. У меня уйдет больше времени.

– Конечно больше, – отозвался Отис. – Вы забыли сказать еще об одном. Вы исходите из того, что Гудвин честно и правдиво передал слова мисс Аарон.

– Пф! – Вулф скривился. – Вздор! Если вы надеетесь подвергнуть сомнению слова мистера Гудвина, вы и в самом деле не в форме. Лучше идите домой. Если к вам снова вернется способность мыслить и вы захотите со мной связаться, я буду на месте. – Он отодвинул от стола кресло.

– Нет! – Отис протянул к нему руку. – Господи, Вулф, я выбит из колеи! Сам не знаю, что говорю! Я способен мыслить.

– Тогда воспользуйтесь этим. Кто из ваших партнеров имеет возможность передать важную информацию миссис Сорелл?

– Все. Наш клиент по некоторым пунктам уязвим, ситуация чрезвычайно сложная, так что мы часто совещались все вместе. Я имею в виду, конечно, троих основных партнеров. Это может быть только кто-нибудь из них, во-первых, потому, что никто из ассоциированных партнеров не владел конфиденциальной информацией, а главное, потому, что мисс Аарон в разговоре с Гудвином назвала его партнером. Она не назвала бы так любого адвоката. Партнерами она называла только своих и могла иметь в виду либо Фрэнка Эдея, либо Майлза Хайдекера, либо Грегори Джетта. И это невероятно!

– «Невероятно» в буквальном смысле или в риторическом? Вы не верите мисс Аарон или – из отчаяния – мистеру Гудвину? Ответьте здесь и сейчас, в частной беседе.

– Верю!

Вулф перевернул руку на столе ладонью вверх:

– Тогда ближе к делу. Это одинаково невероятно в отношении всех троих или же для кого-то менее?

Весь следующий час Отис то и дело отказывался отвечать, повторив свое «нет» по меньшей мере дюжину раз, а в некоторых вещах – например, в чем же именно состояла уязвимость Мортон Сорелла, – он уперся напрочь, тем не менее информации набралось на девять страниц моего блокнота.

Фрэнк Эдей, пятьдесят пять лет, женат, имеет двоих сыновей и дочь, жена живет и здравствует, ему принадлежат двадцать семь процентов от прибыли фирмы. (Доля Отиса – сорок процентов.) Он всегда полон блестящих идей, но не любит рутины, в суде выступает редко. Именно он четыре года назад составил проект брачного соглашения, которое подписали перед венчанием Мортон Сорелл и Рита Рэмзи. Финансовое положение стабильное. Отношения с женой и детьми средние. Заинтересованность в других женщинах, безусловно, имеется, но в пределах разумного. Знакомство с миссис Сорелл было, насколько знал Отис, коротким.

Майлз Хайдекер, сорок семь лет, женат, жена живет и здравствует, детей нет, доля в фирме двадцать два процента. Его отец, ныне покойный, был членом первого правления фирмы. Специализируется на ведении дел в суде и берет самые важные дела. Два года назад именно он защищал миссис Сорелл по просьбе Мортон Сорелла, когда на нее подал в суд ее бывший агент. Хайдекер не любит транжирить деньги, скопил немалый капитал. Отношения с женой неясные; на первый взгляд, все хорошо. Интересы: работа, шахматы и закулисная политика, нет времени на интрижки с женщинами, в том числе с миссис Сорелл.

Грегори Джетт, тридцать шесть лет, холост, стал партнером недавно, доля в фирме одиннадцать процентов; получил ее после двух успешно проведенных дел с участием крупных корпораций. В одной из них Мортон Сорелл владеет контрольным пакетом, потому в течение этого года Джетт был довольно частым гостем в доме Сореллов на Пятой авеню, но заметного внимания к хозяйке не проявлял. Вопрос о финансовом положении Джетта был одним из тех, на которые Отис не хотел отвечать, но в конце концов ответил таким образом: Джетт мало заботится о балансе доходов и расходов, и в данное время его счет в компании находится ниже красной черты. Вскоре после того, как он вошел в правление, примерно два года назад, вложил крупную сумму – по мнению Отиса, тысяч сорок долларов – в спектакль на Бродвее, спектакль провалился. Там играла его подруга. Были у него другие траты на подруг или друзей, Отис либо не знал, либо скрыл. Сказал лишь, что, насколько он понял, главным образом по отдельным высказываниям Берты Аарон, в последнее время Джетт проявляет к Энн Пейдж больше внимания, чем того требуют профессиональные отношения.

Но, когда Вулф спросил, не может ли быть такое, что Энн Пейдж сбежала, поскольку подозревает или даже знает, кто предатель, Отис эту идею отверг. Ему и так-то трудно было принять тот факт, что кто-то из его партнеров оказался подлецом, а потому заподозрить еще и сотрудницу было выше его сил. С Энн Пейдж он разберется сам, у нее наверняка есть разумное объяснение.

Информацию о миссис Мортон Сорелл Отис выдал без колебаний. Что-то нам было уже известно, это знали все, кто читает прессу: до замужества Рита Рэмзи, почти подростком, блестяще сыграла в бродвейском шоу «Дотянись до Луны», а после, с не меньшим триумфом, еще в двух постановках, покорила Голливуд, два года покоряла Мортон Сорелла, вышла за него замуж и оставила сцену. Но к общеизвестным фактам Отис добавил и еще кое-что, на что лишь намекали в газетных сплетнях: через год брак дал трещину, Риту, как выяснилось, интересовали деньги Сорелла, а не Сорелл, и она не собиралась решать вопросы в соответствии с брачным контрактом. Ей хотелось прибрать к своим нежным лапкам большую половину имущества, и она тщательно к этому подготовилась, собрав определенные доказательства, но и Сорелл поумнел и потому пришел за советом к своим адвокатам, которыми и являлись Отис, Эдей, Хайдекер и Джетт, а они загнали ее в ловушку... вернее, считали, что загнали. Так считал и Отис, пока не прочел мои листочки с показаниями. Теперь он не знал, что и думать.

Но он был все еще жив. А к двум часам ночи, когда собрался уходить, Отис даже немного пришел в себя. Больше не нервничал, как вначале, когда попросил воды, чтобы запить таблетки. Без обиняков отверг предложение Вулфа, но согласился подождать тридцать два часа, то есть до десяти утра среды, и ничего до тех пор не предпринимать, не получив сообщения от Вулфа. Единственное, что он все-таки за это время делает, – побеседует с Энн Пейдж, велит ей никому не рассказывать о том, что прочел мои показания, и выяснит, почему она сбежала. Он считал, что в полиции ему про мои показания не скажут, а если скажут, то он ответит, что не верит на слово, ему нужны доказательства. Он, конечно, спросил, каковы намерения Вулфа, но Вулф ответил, что сам не знает и, скорее всего, примет решение после завтрака.

Когда я, подав пальто Отису и заперев за ним дверь, вернулся в кабинет, Фриц уже стоял там.

– Нет, – мрачно говорил Вулф, – ты прекрасно знаешь, я почти никогда не ем ночью.

– Но вы не обедали. Омлет... Или хотя бы...

– Нет! Черт возьми, лучше умереть с голоду! Иди спать!

Фриц повернулся ко мне, я покачал головой, и он ушел.

– Звонить Солу, Фреду и Орри? – спросил я.

– Нет. – Он вдохнул через нос и сделал выдох через рот. – Я сам не знаю, что делать, так что, черт возьми, я им могу поручить?!

– Риторика, – произнес я.

– Не риторика. Логика. Есть вещи очевидные. Неужели они могут найти дешевый ресторан или забегаловку, где те двое встретились? Как им это поручить? Сколько этих забегаловок в городе?

– О-о... Наверное, тысяча... Больше.

Вулф хрюкнул:

– Или поручить опросить персонал в их офисе, чтобы выяснить, кто из троих партнеров вчера днем беседовал с мисс Аарон? Кто из партнеров ушел вскоре после нее? У кого из троих нет алиби с пяти часов вечера до десяти минут седьмого? Отыскать телефонную будку, из которой он звонил сюда? Выяснить, у кого какие отношения с миссис Сорелл? Все это правильные, надежные направления для следствия, и уже завтра утром мистер Кремер и окружной прокурор отправят на поиски этих следов сотню своих людей.

– Две сотни. Дело-то будет громкое.

– Так что давать подобные задания троим... четверым, считая тебя... глупо. Наверное, можно было попросить мистера Отиса, чтобы он организовал нам здесь встречу с Эдеем, Хайдекером и Джеттом. Он мог бы сказать им просто, что нанял меня расследовать это убийство, так как оно произошло в моем доме.

– Вряд ли удастся. Завтра они весь день проведут в офисе окружного прокурора. Вызовут.

Вулф закрыл глаза, поджал губы. Я взял копию своих показаний, которые мне вернул Отис, достал из стола вторую, открыл сейф и положил их туда. Я уже закрыл сейф и вертел колесико, когда Вулф произнес:

– Арчи...

– Да, сэр.

– Они примутся за миссис Сорелл?

– Вряд ли. Не сейчас. С какой стати? Кремер ведь предупредил – и с его стороны это была любезность, – что нас возьмут за жабры, если мы проболтаемся о разговоре с Бертой Аарон, а значит, он намерен сам пока помалкивать, а если они сейчас займутся миссис Сорелл, то все станет понятно.

Он кивнул:

– Она молода и красива.

– Ага. Я видел ее только на сцене. А вы видели фотографии.

– Ты же умеешь общаться с красивыми молодыми женщинами.

– Ну да. Тают передо мной, как шоколадки на солнце. Но если вы думаете, что, стоит мне к ней попасть и спросить, с кем это из партнеров она встречалась на прошлой неделе в какой-то забегаловке, она разомлеет и тут же все выложит, то вы слишком высокого обо мне мнения. Наверняка придется потратить час, если не больше.

– Можешь привезти ее сюда?

– Наверное. Может быть. Полюбоваться орхидеями?

– Не знаю. – Он отодвинулся от стола и поднялся. – Я устал. Придешь ко мне в восемь.

Он направился к двери.

Глава 4

В тот вторник я вышел из дому в 10:17, прошагал четырнадцать коротких кварталов в северном направлении, затем – шесть длинных в восточном и вошел в холл «Черчилля». Я не стал ловить такси, а пошел пешком по двум причинам: я спал меньше пяти часов и моему организму требовался кислород, особенно в той его части, что выше шеи, а кроме того, раньше одиннадцати часов утра миссис Мортон Сорелл, урожденная Рита Рэмзи, вряд ли приняла бы посетителя. Выяснил же я, что она, покинув два месяца назад супружеский кров, поселилась в апартаментах в «Черчилль тауэрс», сделав один короткий звонок в «Газетт» Лону Коэну.

В кармане у меня лежал простой белый конверт, запечатанный и надписанный от руки: «Для миссис Мортон Сорелл. Лично, конфиденциально». Внутри конверта лежал листок, где – так же от руки – я написал: «Нас видели в тот вечер в закуской. Связываться по телефону опасно. Человеку, который принесет эту визитку, можно доверять».

Без подписи.

Было без двенадцати одиннадцать, когда в холле отеля я вручил на ресепшен конверт с просьбой сразу же отнести его наверх, а когда клерк, вернувшись, пригласил меня пройти к лифту, до одиннадцати оставалось целых три минуты. Девять минут ожидания заставили меня понервничать. Если бы трюк не сработал и меня велели выставить вон, в запасе у меня ничего больше не было. Так что, когда лифт пошел вверх, я прочувствовал подъем во всех смыслах, а когда на тридцатом этаже лифтер открыл дверь и я увидел, что она сама вышла меня встретить, мне даже захотелось поприветствовать ее улыбкой, но я сдержал свой порыв.

В руке она держала мой листок.

– Это вы прислали? – спросила она.

– Я его принес.

Она оглядела меня с ног до головы и с головы до ног:

– Могла ли я вас где-то видеть? Как вас зовут?

– Гудвин. Арчи Гудвин. Возможно, вы видели мое фото в газете.

– О-о! – Она кивнула. – Разумеется. – Она махнула листком. – Что все это значит? Это невероятно! Где вы его взяли?

– Сам написал.

Я вышел из лифта, почувствовав аромат ее утренней ванны или духов, которыми пропахло ее желтое одеяние, очень непринужденное надо сказать.

– Должен также признаться, я вас обманул, миссис Сорелл. Я давно вами восхищаюсь. Вы единственная, кого я храню в своем сердце. Одна ваша улыбка – только для меня, – и я был бы на седьмом небе. Я не пытался раньше встретиться с вами, так как не смел ни на что надеяться, но сейчас, когда вы ушли от мужа, я подумал, что если сделаю для вас что-нибудь... например, окажу какую-нибудь небольшую услугу... то смогу заслужить вашу улыбку. Я должен был вас увидеть, чтобы это сказать, а записка – всего лишь уловка, позволившая мне попасть к вам. Я все там выдумал. Я старался написать нечто такое, что могло бы вызвать ваше любопытство. Пожалуйста, пожалуйста, простите!

Она улыбнулась своей знаменитой улыбкой, причем только для меня, и сказала:

– Вы меня обескураживаете, мистер Гудвин, просто обескураживаете. Вы так мило все объяснили. Значит, вы пришли оказать мне какую-то конкретную услугу?

Вынужден отдать ей должное. Она прекрасно знала, что я вру ей в глаза. Что ничего я не выдумал. Что я лицензированный детектив и явился по делу. Но даже глазом не моргнула... Впрочем, нет, моргнула. Взмахнула длинными темными ресницами, своими, не купленными, которые составляли изумительный контраст с волосами цвета кукурузного шелка, когда начинает созревать початок, тоже своими, не купленными, на мгновение опустив глаза, чтобы спря-

тать радостный блеск, сверкнувший при виде меня. Вне сцены она оказалась так же хороша, как и на сцене, и я был вынужден это признать.

– Нельзя ли мне войти? – поинтересовался я. – Раз уж вы мне улыбнулись?

– Разумеется.

Она отступила в сторону, и я вошел. Она подождала, пока я сниму пальто и шляпу и положу их на кресло, а потом провела из прихожей в большую гостиную с окнами, выходящими на восток и на юг, и предложила сесть.

– Немногим выпадает такой шанс, – сказала она, садясь сама. – Знаменитый детектив предлагает свои услуги. Что же именно вы могли бы для меня сделать?

– Ну... – произнес я и тоже сел. – Я умею пришивать пуговицы.

– Это я и сама умею.

Она улыбнулась. Глядя на ее улыбку, никто в жизни бы не подумал, что эта женщина – чемпион по высасыванию крови. Даже я чуть было не усомнился. Приятно было осознавать, что улыбка адресована только мне.

– Могу ходить за вами следом с галошами, – предложил я, – на случай, если вдруг пойдет снег.

– Я редко хожу пешком. Лучше с оружием. Вы напомнили о моем муже. Я всерьез думаю, что он способен кого-нибудь нанять, чтобы меня убить. Вы красавчик... просто настоящий красавчик. А вы храбрый?

– Зависит от обстоятельств. Если вы будете на меня смотреть, то, наверное, да. Между прочим, раз уж я все равно к вам попал – я никогда не забуду этот день, – то позвольте спросить кое о чем. Вы сказали, что видели в газете мою фотографию, а значит, прочли, вероятно, о том, что вчера произошло в особняке Ниро Вулфа. Была убита женщина. Берта Аарон. Прочли?

– Не до конца. – Она скривилась. – Не люблю читать про убийства.

– Но кто она такая, прочли? Личный секретарь Ламонта Отиса, старшего партнера юридической фирмы «Отис, Эдей, Хайдекер и Джетт».

Она покачала головой:

– Не обратила внимания.

– Я-то думал, что обратили, потому что это адвокаты вашего мужа, о чем вам, конечно, известно.

– О-о! – Глаза у нее расширились. – Конечно. Я не заметила.

– Наверное, вы до этого места не дочитали. Иначе не могли бы не заметить, так как со всеми ими знакомы лично. Так вот о чем я хотел спросить: были ли вы знакомы с Бертой Аарон?

– Нет.

– Я-то думал, знакомы, потому что она была секретарем у Отиса, а Отис и его партнеры много лет ведут дела вашего мужа, а однажды даже вели ваше. Вы с ней никогда не встречались?

– Нет. – Она больше не улыбалась. – Кажется, вам многое известно об этой фирме и о моем муже. Вы так мило говорили, что восхищаетесь мной и что храните меня в своем сердце. Значит, вас послали они или Ниро Вулф, которого они наняли. Так?

– Нет. Не так.

– Наняла фирма, что одно и то же.

– Нет. Никто его не нанял, он работает на себя. Он...

– Ложь!

– Я так часто по работе использую ложь, что не могу позволить себе расходовать ее без дела. Мистер Вулф очень огорчился из-за того, что убийство произошло у него в кабинете, и он не желает прощать подобную наглость. Его никто не нанял, и никто не сможет нанять,

пока мы не узнаем, кто виновник. Мистер Вулф подумал, что вы могли быть знакомы с Бертой Аарон и сообщить о ней что-нибудь, что помогло бы нам.

– Увы, нет.

– Очень плохо. Но я по-прежнему восхищаюсь вами.

– Вот и восхищайтесь. Вы мне нравитесь, вы красавчик. – Она снова улыбнулась. – Мне пришла в голову одна мысль. Не захочет ли Ниро Вулф, чтобы его наняла я?

– Надо подумать. Он берется не за всякую работу, а если возьмется, обдерет вас как липку. Он если и хранит что-то в сердце, в чем я сомневаюсь, то это отнюдь не прекрасный женский образ... или милый. О чем вы хотите его спросить?

– Об этом я скажу ему.

Она смотрела мне в глаза, опустив свои длинные ресницы ровно настолько, чтобы взгляд был выразительнее, и мне снова пришлось отдать ей должное. Можно было подумать, будто она понятия не имеет, что я знаю, что она что-то скрывает, и что я сам тоже что-то скрываю. Она была чертовски хороша, и, глядя в ее глаза, я всерьез подумал, что она и в самом деле поверила, будто я просто случайно сочинил ту записку.

– Чтобы задать ему вопрос, – сказал я, – нужно записаться на прием. Он никогда не выходит по делу из дому. – Я достал визитку и протянул ей. – Здесь адрес и номер телефона. Но, если хотите это сделать сейчас, я с радостью захвачу вас с собой, и возможно, он пойдет навстречу. До часу у него свободное время.

– Любопытно. – Она улыбнулась.

– Что именно?

– Ничего. Разговариваю сама с собой. – Она покачала головой. – Сейчас не пойду. Может быть... Я должна подумать. – Она поднялась. – Очень жаль, что ничем не могу помочь, в самом деле жаль, но я никогда не встречалась с... Как ее звали?

– Берта Аарон. – Я встал.

– Никогда не слышала. – Она бросила взгляд на визитку, которую я вручил ей. – Возможно, я позвоню вам сегодня. Я должна подумать.

Она прошла следом за мной в прихожую, а когда я потянулся к двери, подала руку, и я пожал ее. Пожатие у нее было крепкое.

Когда выходишь из лифта в холл отеля «Черчилль тауэрс», есть три возможности. Пойти направо к главному входу. Пойти налево, потом направо к боковому или налево и еще раз налево к другому боковому. Я пошел через главный, остановился и минуту постоял на тротуаре, чтобы надеть пальто и дернуть себя за ухо, после чего не торопясь направился в сторону центра. На углу рядом со мной пристроился низкорослый человек, с большим носом, похожий, на первый взгляд, на полотера, который зарабатывает сорок баксов в неделю. На самом деле Сол Пензер – лучший оперативник Нью-Йорка, и стоит он десять долларов в час.

– Детективов не видно? – спросил я у него.

– Знакомых – нет и, полагаю, незнакомых тоже. Попал к ней?

– Ага. Не похоже, что ею уже занялись. Я подбросил ей кое-что, так что можете начать шевелиться. Мальчики на месте?

– Да. Фред у северного входа, Орри у южного. Надеюсь, она пойдет через главный.

– Как и я. До встречи.

Он развернулся и исчез, а я сделал шаг к проезжей части и подождал такси. Когда оно остановилось на Тридцать пятой улице возле старого особняка из бурого песчаника, было 11:40.

Поднявшись по семи ступенькам, я открыл своим ключом дверь, оставил на вешалке в прихожей пальто и шляпу и направился в кабинет. Вулф уже должен был сидеть за столом и читать очередную книгу, поскольку утреннее свидание с орхидеями заканчивается в одиннадцать. Но его там не было. Кресло за письменным столом пустовало, а в красном кожаном сидел незнакомец. Я встал перед ним и сказал: «Доброе утро». Он тоже сказал: «Доброе утро».

Выше плеч это был поэт. С мечтательным взглядом глубоко посаженных глаз, с большим обиженным ртом, с острым подбородком, но поэту пришлось бы долго продавать свои стихи, чтобы купить такой костюм, рубашку и галстук, не говоря уже о туфлях ручной работы из Лондона. Поглазев на него достаточно, чтобы все это разглядеть, я решил не спрашивать у него, где Вулф, а потому снова вышел и повернул налево к кухне, где в нише в конце коридора и увидел Вулфа, стоявшего возле дырки в стене. Дырка у нас проделана на уровне глаз. В кабинете ее прикрывает пейзаж с водопадом. А тут она ничем не прикрыта, и через эту дырку очень удобно не только слушать, но и смотреть, что происходит за стенкой.

Но я там не остановился, а толкнул распашную дверь в кухню, придержал створку, чтобы Вулф вошел, и отпустил.

– Вы забыли галстук на столе оставить, – сказал я.

– О галстук поговорим в другой раз, – хмыкнул он. – Это Грегори Джетт. Утро он провел в офисе окружного прокурора. Я нашел предлог выйти, потому что сначала хотел послушать тебя, и решил понаблюдать за ним, пока жду.

– Отличная мысль! Вдруг бы он взял да и сказал сам себе: «Надо же, а ковра-то нет». Не сказал?

– Не сказал. Встретился с той женщиной?

– Да, сэр. Настоящий бриллиант. Теперь нет никаких сомнений по поводу основного факта: Берта Аарон не могла ошибиться, кто-то из партнеров беседовал именно с миссис Сорелл.

– Она призналась?

– Нет, сэр, но подтвердила это. Мы проговорили минут двадцать, и она только в первые полминуты сказала про мою записку, что это бред, и спросила, откуда я ее взял, а после ни разу о ней не вспомнила. Зато дважды назвала меня красавчиком, шесть раз улыбнулась, сказала, что не знает Берту Аарон, и поинтересовалась, не захотите ли вы работать на нее. Может быть, она нам позвонит, чтобы договориться о встрече. Передать дословно?

– Дословно – позже. Парни на месте?

– Ага. Перед уходом я поболтал с Солом. Пустая трата времени. Она не дура – вот только не это. Для нее, конечно, было ударом услышать, что их видели в ресторанчике, но паниковать она не станет. К тому же она, конечно, не знает, как мы на нее вышли. Может быть, она не догадывалась, что между их встречей и убийством Берты Аарон есть связь. Может быть, и сейчас не догадывается... хотя вряд ли. Когда догадается – если догадается, – она поймет также и то, что Берту Аарон убил человек, с которым она встречалась вечером в прошлый понедельник. С такой мыслью жить непросто, но она справится. Она крепкая штучка, а на кону тридцать миллионов долларов. Если бы вы видели, как она улыбалась, когда назвала меня красавчиком – и, возможно, сказала искренне, хотя нос у меня приплюснутый, – вам бы и в голову не пришло, что две минуты назад она прочла записку, где я без обиняков выкладываю ее главный секрет. Настоящий бриллиант! Будь у меня тридцать миллионов, с удовольствием пригласил бы ее на ланч. Так что беспокоит Грегори Джетта?

– Не знаю. Посмотрим. – Он толкнул дверь и вышел, а я последовал за ним.

Пока Вулф шествовал мимо красного кожаного кресла, Джетт сказал:

– Я ведь предупредил, что у меня срочное дело. Вы довольно невежливы, не так ли?

– В меру. – Вулф устроился поудобнее в кресле и посмотрел на Джетта. – Срочное дело, сэр, если и есть, то у вас, а не у меня. Я тут при чем?

– Очень даже при чем. – Глубоко посаженные мечтательные глаза обратились ко мне. – Вас зовут Гудвин? Арчи Гудвин? – (Я сказал «да».) – Вчера вы дали показания полиции по поводу вашего разговора с Бертой Аарон, а копию показали нашему старшему партнеру Ламонту Отису.

– Неужели? – вежливо произнес я. – Я тут просто сотрудник. Я делаю только то, что велит мистер Вулф. Спросите у него.

– Я не спрашиваю, я констатирую. – Он повернулся к Вулфу. – Я хочу увидеть эти показания. Мистер Отис – старый человек, у него слабое сердце. Он испытал настоящее потрясение, когда, узнав о трагической гибели своего секретаря, убитой здесь, в вашем кабинете, при обстоятельствах, которые, насколько мне известно, трудно поставить в заслугу и вам, и Гудвину. Вы не могли не видеть, что он потрясен, как и то, что он стар. Знакомить его с этими показаниями – безответственный поступок, достойный порицания. Как его коллега, его партнер, я хочу знать, что там.

Вулф откинулся к спинке кресла и опустил голову:

– Н-да... Нахальство против нахальства. Раз уж вы так неустрашимы, придется надеть нагрудник. Я отвергаю ваше заявление о существовании подобного документа. Дальше что?

– Чепуха! Я знаю, что он существует.

– Чем докажете? – Вулф помахал пальцем. – Мистер Джетт, это нелепо. Кто-то рассказал вам про показания, иначе нужно быть полным идиотом, чтобы явиться сюда и кричать на меня. Кто рассказал и когда?

– Человек, которому я полностью доверяю.

– Лично мистер Отис?

– Нет.

– Как ее зовут?

Джетт прикусил нижнюю губу. Пожевав ее немного, он принялся за верхнюю. У него были хорошие белые зубы.

– Вероятно, вы тоже испытали некое потрясение, – сказал Вулф, – если решили, будто можете требовать подобные вещи, не раскрывая источника. Ее зовут Энн Пейдж?

– Имя я могу вам назвать только конфиденциально.

– Нет. Как предоставленные на мое усмотрение личные, не конфиденциальные сведения. Я по-прежнему отрицаю существование показаний.

– Черт возьми! – Джетт хлопнул по подлокотнику. – Она пришла с ним вместе! Она сама видела, как Гудвин дал ему показания! Видела, как он читал!

– Так-то лучше, – кивнул Вулф. – Когда мисс Пейдж рассказала вам об этом? Утром?

– Нет. Ночью. Она мне позвонила.

– В каком часу?

– Около двенадцати. Немногим позже.

– Она ушла отсюда вместе с мистером Отисом?

– Черт возьми, вы прекрасно знаете, что нет! Она выбралась через окно.

– И немедленно позвонила вам. – Вулф выпрямился. – Если вы хотите доверить мне личную информацию, то должны обосновать причину. Тогда я, возможно, скажу, о чем идет речь в показаниях мистера Гудвина, а возможно, и нет. Я не принимаю вашего объяснения, будто вы пришли, руководствуясь заботой о мистере Отисе. Вы должны объяснить не только свое беспокойство, но и тот факт, что мисс Пейдж сбежала через окно. Вы...

– Она не сбежала! Просто Гудвин ее запер!

– Он отпер бы дверь по первому требованию. Вы сказали, у вас срочное дело. Какое, к кому? Вы испытываете мое терпение. Вы опытный юрист и не можете не понимать, что не стоит кормить меня ерундой.

Джетт посмотрел на меня. Я выдвинул подбородок и стиснул губы, показывая, что ерунда и мне неинтересна. Он повернулся к Вулфу:

– Хорошо. Если другого выхода нет, я сообщу вам личную информацию, полагаясь на ваше благоразумие. Когда Отис велел мисс Пейдж уйти, она заподозрила, что мисс Аарон что-то рассказала Гудвину обо мне. Подумала...

– Почему о вас? Не было и намека на это.

– Потому что он сказал ей: «В этом вопросе вы мне не поможете. Вам нужно уйти». Она подумала, будто он знает, что не может доверять ей в том, что касается меня. Это и в самом деле так... Надеюсь, что так. Мы с мисс Пейдж помолвлены. Мы не объявляли о помолвке, но, вероятно, наш взаимный интерес друг к другу не является секретом, поскольку мы не делали из него секрета. Ко всему прочему, мисс Пейдж считает, что мисс Аарон могла знать или, по крайней мере, подозревать об одном... э-э-э... эпизоде, который имеет ко мне отношение. Эпизоде, который мистер Отис безусловно осудил бы. Вы сказали, что мне следует объяснить и мое беспокойство о мистере Отисе, и побег мисс Пейдж через окно. Это и есть объяснение.

– Что это за эпизод?

– Не скажу даже конфиденциально, – покачал Джетт головой.

– Его характер?

– Абсолютно личный.

– Касался ли он каким-нибудь образом интересов вашей компании или партнеров?

– Нет. Сугубо личное дело.

– Затрагивал ли он вашу профессиональную репутацию или лояльность?

– Нет.

– Была ли в нем замешана женщина?

– Да.

– Как ее зовут?

Джетт снова покачал головой:

– Я не подлец, мистер Вулф.

– Была ли это миссис Мортон Сорелл?

Джетт разинул рот и три вдоха-выдоха сделал с отвисшей челюстью. Потом снова обрел дар речи:

– Вот, значит, как. Мисс Пейдж права. Я хочу... Я требую, чтобы вы дали мне прочесть эти показания.

– Не сейчас, сэр. Возможно, позже. Так вы утверждаете, что эпизод с миссис Сорелл никаким образом не касался ни интересов вашей компании, ни вашей профессиональной репутации?

– Конечно. Это исключительно личная история, причем короткая.

– Когда она случилась?

– Примерно год назад.

– Когда вы в последний раз виделись с миссис Сорелл?

– Примерно месяц назад, на вечеринке. Мы не разговаривали.

– Когда вы в последний раз встречались один на один?

– Почти год назад.

– Но вас до сих пор всерьез беспокоит, чтобы об этом не узнал мистер Отис?

– Естественно. Мистер Сорелл – наш клиент, а его жена сейчас является противной стороной в одном важном деле. Мистер Отис мог бы подумать, будто тот эпизод не был случайным. Он не сказал мне ни слова о показаниях, а я не могу спросить прямо, так как он велел мисс Пейдж никому о них не рассказывать, а она промолчала о том, что уже мне рассказала. Мне нужно их видеть. Я имею право!

– Не начинайте сначала. – Вулф, устроив локти на подлокотниках, сцепил пальцы. – Я вот что вам скажу: в показаниях мистера Гудвина нет ни одного слова, которое явно или косвенно говорило бы про ваш эпизод. Так что можете выбросить из головы. Кроме того...

Раздался звонок в дверь.

Глава 5

Я ошибся на их счет. Когда я увидел их через одностороннюю стеклянную панель, то сообразил, кто они, но перепутал этикетки. Я решил, что высокий, широкоплечий, в темно-синем, сшитом на заказ пальто честерфилде и мягкой фетровой шляпе, – это Эдей, пятидесяти пяти лет от роду; тот, что пониже, плотный, в коричневом пальто с поясом, – Хайдекер, сорока семи лет. Но, когда я открыл дверь и Честерфилд сказал, что им нужно увидеть Ниро Вулфа, а я спросил, кто они такие, он ответил:

– Этого джентльмена зовут Фрэнк Эдей, а я Майлз Хайдекер. Мы...

– Я знаю, кто вы. Входите.

Поскольку внимание положено уделять старшим, я помог Эдею снять пальто и повесил его на вешалку, а Хайдекер сам снял свой честерфилд, после чего я отвел их в гостиную и предложил сесть. Если бы я открыл смежную дверь, то в гостиной услышали бы голос Джетта, и как бы он после этого стал доверять Вулфу? Потому я прошел в кабинет через прихожую, а там подошел к своему столу, написал в блокноте «Эдей и Хайдекер», вырвал этот листок и отдал Вулфу. Вулф взглянул на записку, потом на Джетта:

– Мы зашли в тупик. Вы не желаете отвечать на дальнейшие вопросы, пока я не расскажу, о чем идет речь в показаниях мистера Гудвина, а я не намерен ничего рассказывать. Пришли мистер Эдей и мистер Хайдекер. Вы останетесь или уйдете?

– Эдей? – Джетт поднялся. – Хайдекер? Пришли сюда?

– Да, сэр. Незваные и негаданные. Если хотите, можете незаметно уйти.

Он явно хотел лишь увидеть мои показания. Не хотел уходить и остаться тоже не хотел. Когда стало понятно, что сделать выбор ему не под силу, Вулф принял решение сам. Он кивком показал мне на смежную дверь, и я пошел, открыл ее и пригласил войти новых гостей. Потом отступил в сторону и смотрел, как они удивились при виде Джетта, как представлялись Вулфу, какие бросали взгляды. Я так до конца и не смог расстаться с мыслью, что если рядом с тобой стоят три человека и ты точно знаешь, что один из них убийца, особенно если убийство он совершил в этой самой комнате меньше суток назад, то это в чем-то проявится, нужно лишь внимательно смотреть. По опыту я знал, что все это чушь, и если ты заметишь что-то, что будто бы указывает на кого-то, то, скорее всего, не на того, и все же я не мог от нее отмахнуться. Я был так занят своими наблюдениями, что подошел к своему столу и сел, только когда Джетт снова опустился в красное кожаное кресло, а его партнеры – в два желтых к Вулфу лицом, и Хайдекер, высокий и широкоплечий человек, заговорил первым.

Смотрел он при этом на Джетта.

– Мы сюда пришли, – произнес он, – чтобы получить информацию, как, наверное, и ты, Грег. Разве что в офисе окружного прокурора ты узнал больше, чем мы.

– Черт, я там мало что узнал! – отозвался Джетт. – Я даже не смог найти Хоуи, с которым вместе учился. Мне не ответили ни на один вопрос, только спрашивали. На какие-то я не ответил, а им и не следовало задавать вопросы о наших клиентах. На правомерные, конечно, ответил: какие у меня были отношения с Бертой Аарон, где я находился вчера. И не только я. Не видел ли я, как кто-то долго разговаривал с Бертой, не ушел ли вместе с ней или вскоре после нее. Они явно думают, что убийца кто-то из нашей компании, хотя не объяснили почему. По крайней мере, не объяснили мне.

– Мне тоже, – отозвался Эдей; плотный, небольшого роста, он говорил высоким голосом, который очень ему подходил.

– Мне тоже, – сообщил Хайдекер. – Что тебе сказал Вулф?

– Немного. Я пришел недавно. – Джетт посмотрел на Вулфа.

Вулф прокашлялся:

– Полагаю, джентльмены, вы явились с той же целью, что и мистер Джетт. Он хотел бы получить любую информацию, которая могла бы прояснить то, что случилось, а в особенности причину, почему мисс Аарон обратилась ко мне. Он считает, что...

Хайдекер перебил:

– Вот именно. Зачем она приходила?

– Прошу прощения. Он считает, что, принимая во внимание все обстоятельства, ее, скорее всего, убили, опасаясь разоблачения, и это вполне правдоподобно. Но, разумеется, с вами об этом говорили и в полиции, и в офисе окружного прокурора. Разве вам не сообщили, что мы не встретились?

– Нет, – ответил Эдей. – Мне ничего не сказали.

– Мне тоже, – сказал Хайдекер.

– В таком случае скажу я. Она пришла без предварительной договоренности. Мистер Гудвин открыл ей дверь. Она хотела встретиться со мной, чтобы обсудить важный конфиденциальный вопрос. Я был у себя, и мистер Гудвин поднялся ко мне доложить о ее визите. Мы не сразу решили, как поступить, а когда спустились, ее тело лежало вот здесь. – Он указал на место возле ног Хайдекера. – Так что и я не знаю, зачем она приходила, поскольку не видел ее живой.

– Тогда я ничего не понимаю, – заявил Эдей; человек блестящих идей включил мозги. – Если она ничего вам не рассказала, то вы ничего не могли сообщить полиции или окружному прокурору. Но раз причина неизвестна, то почему же они думают, будто ее убил кто-то из наших сотрудников? Допускаю, что они могли узнать это от кого-нибудь другого, но каким образом его так быстро нашли? Меня вызвали утром, в семь часов. А из их вопросов я делаю вывод: они считают это не просто версией, полиция уверена, что это так.

– Безусловно, – согласился Хайдекер. – Мистер Гудвин, вы ее впустили. Она пришла одна? – Он блестяще умел вести перекрестный допрос.

– Да. – Я не добавил «сэр», поскольку мы были все-таки не в суде.

– Никого не заметили поблизости? На тротуаре?

– Никого. Уже стемнело, конечно. Она пришла в пять двадцать. Заход солнца пятого января был в четыре сорок шесть. – Черт возьми, он даже не собирался меня ловить!

– Вы проводили ее в эту комнату?

– Да.

– Могли вы оставить наружную дверь незапертой?

– Нет.

– Вы уверены?

– Да. Если у меня и есть привычка, доведенная до автоматизма, то это запирает входную дверь и проверять, хорошо ли она заперта.

– Автоматизм – опасная вещь, мистер Гудвин. Иногда он подводит. Когда вы привели ее в эту комнату, вы сели?

– Да.

– Куда?

– Туда же, где сижу сейчас.

– А она?

– В кресло рядом с вашим. Фута на три ближе ко мне.

– Что же она сказала?

– Что хочет поговорить с Ниро Вулфом по важному срочному делу... Нет, это она сказала в дверях. Тут она сказала, что дело у нее в высшей степени конфиденциальное.

– Она так и сказала: дело?

– Да.

– Что еще?

– Что ее зовут Берта Аарон, что она личный секретарь мистера Ламонта Отиса, а он старший партнер юридической конторы «Отис, Эдей, Хайдекер и Джетт».

– Что еще?

Я, конечно же, с самого начала знал, что в какой-то момент придется солгать, а тут решил, что время пришло.

– Ничего.

– Совсем ничего?

– Совсем.

– Вы доверенное лицо Ниро Вулфа. Он был занят другими делами. Неужели вы думаете, я поверю, будто вы не настояли на том, чтобы узнать, что у нее за дело, прежде чем идти к нему с докладом?

Зазвонил телефон.

– Не думаю. Как хотите, – ответил я, повернулся, снял трубку и сказал: – Кабинет Ниро Вулфа, говорит Арчи Гудвин.

Голос я узнал сразу.

– Мистер Гудвин, это Рита Сорелл. Я решила...

– Не отключайтесь, пожалуйста. Одну секунду. – Я прикрыл трубку ладонью и сообщил Вулфу: – Это та самая женщина, которой вы послали открытку. Которая назвала меня красавчиком. – Он потянулся к своему аппарату и взял трубку, а я продолжил разговор. – Ладно. Так что вы решили?

– Решила, что лучше рассказать вам то, о чем вы меня сегодня спрашивали. Решила, что вы для меня слишком умны, не говоря о том, о чем вы написали в записке, ведь вы ради этого и пришли. Когда вы сказали, будто все выдумали, сочинили, чтобы вызвать мое любопытство, вы ведь не ждали, что я поверю. Вы умны. Нет смысла скрывать, раз уж вы все знаете. Да, вечером на прошлой неделе я ужинала в небольшом ресторане с одним человеком.

– В понедельник.

– Совершенно верно. А вы хотите знать, кто это был. Не так ли?

– Да, это могло бы нам помочь.

– Я и хочу помочь. Вы красавчик. Это был Грегори Джетт.

– Премного благодарен. Если вы хотите помочь...

Она положила трубку.

Глава 6

Я тоже положил трубку и крутнулся в своем кресле к Вулфу. Вулф отодвинул телефон к краю стола и произнес:

– Черт возьми, до чего же она неприятная!

– Да, сэр.

– Видимо, придется потерпеть.

– Да, сэр. Или пристрелить.

– Этого не хотелось бы. – Вулф встал. – Джентльмены, вынужден извиниться и вас оставить. Идем, Арчи.

Он направился к двери, и я последовал за ним. В прихожей он свернул налево, толкнул распашную дверь в кухню.

Фриц сидел за большим столом и резал лук. Дверь за нами закрылась.

Вулф повернул ко мне голову:

– Ладно. Ты с ней уже знаком. Видел ее и беседовал. Что скажешь?

– Придется бросить монетку. Даже несколько. Вы вот Джетта видели и с ним беседовали. Может, она просто хотела выяснить, известно ли уже нам, кто с ней был, и если да, то она его и назвала бы... хотя могла бы и не назвать. А может, решила его слить. Подумала, что это Джетт убил Бертю Аарон, и либо она за справедливость любой ценой, либо испугалась, что Джетт проговорится – и прощай комфортная жизнь. Я выбрал бы последнюю версию. Или это мог быть вовсе не Джетт, а Эдей или Хайдекер, а она хочет Джетта подставить, потому что злитесь из-за той истории. Если не сработает, если мы уже знаем, что это был Эдей или Хайдекер, то и наплевать. Сказать что-то в телефонном разговоре – это не в суде под присягой. Можно вообще отрицать, что она мне звонила. Или...

– Хватит пока. Что бы ты выбрал?

– Ничего, сэр. Я уже говорил, что это необыкновенная женщина.

Он хрюкнул. Потянулся за ломтиком лука, положил в рот, пожевал. Прожевав, спросил у Фрица:

– «Эбенецер»?

– Нет, элитный, – ответил Фриц.

Вулф повернулся ко мне:

– Как бы то ни было, лед тронулся. Даже если она просто пытается сбить нас с толку, невозможно не допустить, что она поговорила с ним или поговорила в скором времени.

– Вряд ли она успела бы, разве что он сам позвонил. Все трое всё утро проторчали в офисе окружного прокурора.

– Тогда скажем сначала ему, – кивнул Вулф. – Придется тебе покаяться.

– Ладно. Что придержим?

– Думаю, ничего. Изложишь суть, а дальше посмотрим.

Он направился к двери. В прихожей мы слышали, как в кабинете что-то говорил своим тенором Эдей, но при нашем появлении замолчал. Когда я обходил Хайдекера, он выставил вперед ногу. Может быть, вовсе и не для того, чтобы я запнулся, а просто устал сидеть и поменять положение.

Вулф устроился в своем кресле и начал:

– Джентльмены, мы с мистером Гудвином решили, что вы имеете право знать всё. Звонила миссис Мортон Сорелл. То, что она сообщила, убедило нас в...

– Вы сказали: Сорелл? – переспросил Хайдекер.

Глаза у него округлились, у Эдея тоже. Джетт, по-видимому, не умел этого делать.

– Именно. Арчи?

Я выбрал Хайдекера.

– Позвони она секунд на двадцать раньше, – начал я, – мне не пришлось бы зря расходовать ложь. Конечно, прежде чем подняться с докладом к мистеру Вулфу, я выяснил, зачем приехала Берта Аарон. И она сказала, как случайно увидела одного из партнеров фирмы, когда он беседовал в дешевом ресторанчике с миссис Мортон Сорелл. Мисс Аарон сказала также, что всю неделю ломала голову над тем, как ей быть с этой информацией, а вчера потребовала у него объяснений, а так как не получила их, то поняла, что он действует против интересов компании. Она не поставила в известность мистера Отиса, поскольку у него слабое сердце, а других партнеров – поскольку они могли действовать заодно. Потому она решила обратиться к Ниро Вулфу.

Насчет Джетта я ошибся. Теперь и он тоже сидел, вытаращив глаза. И первым обрел дар речи:

– Быть не может. Не верю!

– Я тоже, – произнес Хайдекер.

– Я тоже, – пискнул Эдей.

– Вы хотите сказать, – начал Хайдекер, – что Берта Аарон явилась к постороннему человеку с информацией, которая, в случае огласки, способна нанести компании серьезный ущерб?

– Достаточно перекрестных допросов, мистер Хайдекер, – вмешался Вулф. – Я позволил вам это раньше, но достаточно. Если возникнут вопросы, которые следует задать, я задам их сам. Что же касается достоверности слов мистера Гудвина, он дал письменные показания в полиции, и он далеко не дурак. Кроме того...

– В полиции? – пискнул Эдей. – Господи!

– Быть не может, – сказал Джетт.

Вулф их проигнорировал:

– Кроме того, вчера, когда пришел мистер Отис, я дал прочесть ему копию показаний. Он согласился не разглашать их до десяти утра завтрашнего дня, с тем чтобы дать мне время разработать план действий, который строится на вполне разумной гипотезе, что мисс Аарон убил тот, кого она обвинила в предательстве, – в этом я согласен с полицией. Очевидно, полиция не сочла нужным сообщать вам их содержание. Я и тут был с ними согласен и молчал вплоть до этого момента, но теперь миссис Сорелл назвала имя того, с кем она встречалась. Только что – по телефону. С ней встречался один из вас.

– Не может быть! – воскликнул Эдей. – Кошмар какой-то!

Хайдекер рявкнул:

– Вы посмели предположить...

– Нет, мистер Хайдекер, – Вулф положил ладонь на стол, – меня допрашивать вы не будете. Я сам решу, какую информацию вам предоставить. Речь не о предположениях, я сообщаю о фактах. Я не стал вам говорить, что мисс Аарон не назвала имени того, кого увидела с миссис Сорелл. Его сейчас назвала миссис Сорелл, хотя я не уверен в правдивости ее слов. Мистер Гудвин встретился с ней утром, и ему показалось, что она способна на коварство. Я не собираюсь вам докладывать, чье имя она назвала, пусть он понервничает.

Занервничали они все. Они бросали друг на друга взгляды, в которых читалось отнюдь не дружеское сочувствие. В такой момент можно было бы ожидать, что идея, о которой я говорил выше, наконец сработает, но не тут-то было. У двоих из них в самом деле были все основания подозрительно смотреть на своих партнеров, а третий лишь притворялся, но мне он оказался не по зубам. Не только мне, но и Вулфу, который тоже изучал их лица сузившимися глазами.

– Сам собой напрашивается вывод, – продолжил он, – вчера после разговора с мисс Аарон он – вернее, один из вас – проследил за ней, увидел, как мисс Аарон вошла в этот дом, и встревожился окончательно. Нашел телефонную будку, позвонил по этому номеру. Поскольку мистер Гудвин поднялся наверх, она сама сняла трубку и согласилась его выслушать. Если вы...

– Она оказалась одна по чистой случайности, – вставил Эдей, генератор блестящих идей.

– Пф! Я не только не буду отвечать на ваши вопросы, мистер Эдей, я также не намерен обсуждать детали. Сами себе их объясняйте – вы же опытный адвокат. Еще раз обращаюсь к одному из вас: если бы вас можно было вычислить, проверив, где вы были вчера, то полиция это уже сделала бы и вас арестовали бы. Каждое слово, сказанное вами и всеми сотрудниками компании, проверяет целая армия людей, знающих свое дело. Но, поскольку они не сообщили вам всем информацию из показаний мистера Гудвина, я делаю вывод, что они не задавали пока вопросов о вечере прошлого понедельника. Кто где был восемь дней назад. Я не ошибся?

– Зачем это выяснять? – поинтересовался Джетт.

– Затем, что именно в прошлый понедельник мисс Аарон увидела одного из партнеров в кабинке вместе с миссис Сорелл. Я намерен кое-что сейчас выяснить, но сначала хочу сообщить о вчерашнем соглашении, к которому мы пришли с мистером Отисом. В обмен на полученную от него информацию я дал обещание, раскрыв преступление, свести, насколько это возможно, к минимуму ущерб, нанесенный репутации компании. Для вас, думаю, очевидно, что чем раньше я это сделаю, тем лучше для компании. Итак, мистер Джетт. Как вы провели вечер понедельника, двадцать девятого декабря, начиная, скажем, с шести и до полуночи?

В глазах Джетта, по-прежнему глубоко посаженных, от мечтательности не осталось и следа. Взгляд их не отрывался от Вулфа с того самого момента, когда я покаялся во лжи, и в лице его не дрогнул ни один мускул.

Он ответил так:

– Если вы нас не разыгрываете и все это правда, включая телефонный звонок от миссис Сорелл, ущерб компании уже нанесен, и тут ничего не исправить. Вам это не под силу, и никому не под силу.

– Но попытаться можно. И я намерен это сделать.

– Каким образом?

– Посмотрим по обстоятельствам.

Тут вмешался Хайдекер:

– Говорите, мистер Отис все знает? Он вчера сюда приезжал?

– Да. Я не попугай, а вы не глухой. Итак, мистер Джетт? Где вы были вечером в прошлый понедельник?

– В театре с подругой.

– Как зовут подругу?

– Мисс Энн Пейдж.

– В каком театре?

– Университета Дрю. Пьеса была «Практика приводит к совершенству». Мы с мисс Пейдж ушли с работы вместе в самом начале седьмого, пообедали в «Рустермане». Весь вечер провели вдвоем.

– Спасибо. Мистер Эдей?

– В понедельник накануне Нового года, – ответил Эдей, – я вернулся домой, еще не было шести, пообедал и весь вечер был дома.

– Один?

– Нет. К нам на Новый год на неделю приехал сын с женой и двумя детьми. Сын с женой, а также мои жена и дочь ушли в оперу, а я остался с детьми.

– Сколько лет детям?

– Два и четыре.

– Где вы живете?

– У нас апартаменты на углу Парк-авеню и Шестьдесят девятой.

– Вы куда-нибудь выходили?

– Нет.

– Спасибо. Мистер Хайдекер?

– Я ездил в Шахматный клуб Манхэттена смотреть турнир. Бобби Фишер на пятьдесят восьмом ходу выиграл отложенную партию с Вайнштейном. Ларри Эванс сыграл вничью с Кайме, а Решевский с Меднисом.

– Где находится Шахматный клуб Манхэттена?

– На Западной Шестьдесят четвертой.

– Турнир начался в шесть?

– Нет конечно. День я провел в суде, после заехал в офис. Перекусил сэндвичами в компании с секретаршей.

– В котором часу вы оттуда ушли?

– Около восьми. Секретарша наверняка помнит.

– Во сколько вы приехали в Шахматный клуб?

– Минут через пятнадцать-двадцать. – Хайдекер вдруг поднялся. – Это просто смешно, – объявил он. – У вас есть, наверное, на то причины, Вулф, но мне они неизвестны. Если вы правы, то да поможет нам Бог. – Он повернулся. – Я хочу побеседовать с Отисом. Ты идешь, Фрэнк?

Фрэнк кивнул. У человека, всегда полного блестящих идей, сейчас, судя по выражению лица, не было никаких. Партнера стоимостью в одиннадцать процентов они с собой не позвали, и он, похоже, не стремился присоединиться, но, когда в прихожей я потянулся за пальто ольстер Эдея, откуда ни возьмись появился Джетт, а когда я отпер дверь, он вышел первым. Я постоял на крыльце, чтобы глотнуть свежего воздуха, а потому видел, как они идут по Девятой авеню одной шеренгой, будто бы дружной, единой командой.

В кабинете Вулф сидел, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза. Не успел я сесть в свое кресло, как зазвонил телефон. Звонил Сол Пензер – доложить, что миссис Сорелл не выходила из номера. Я велел ему не отключаться, передал его слова Вулфу и спросил, не поручить ли им проверку алиби всей троицы.

– Пф! – сказал Вулф, и я велел Солу продолжать наблюдение.

– Я боялся, – начал я, – что от отчаяния вы решите поручить Солу проверку алиби. Насколько все по-разному раскрывают дела. Способ зависит от того, кто вы. Если просто перwokлассный сыщик, как, например, я, то ты способен всего лишь искать. Тогда, пока не проверишь алиби, есть не станешь. Ходишь, спрашиваешь: где вы были в восемь часов одиннадцать минут, записываешь в блокнот... подметки сотрешь, пока найдешь того, кто скажет что-то не то. Но если ты гений, то к черту алиби! Спрашиваешь, где вы были, только чтобы поддержать разговор, а сам ждешь, пока в мозгах что-то щелкнет. Вы даже не слушаете...

– Вздор! – буркнул он. – У них нет алиби.

Я молча кивнул:

– Вы не слушали.

– Я тебя слушал. Алиби у них ничего не стоят. Один провел вечер с невестой, другой ездил смотреть шахматный турнир, третий просидел дома с маленькими детьми, которые легли спать. Пф! Спросил я у них об этом в надежде, что у кого-то... может быть, даже у двоих... алиби есть, и дело прояснится, но не вышло. Под подозрением по-прежнему все трое.

– Тогда остается надеяться лишь на ваш гений. Разве что у вас вдруг мелькнет идея насчет того, что бы еще написать миссис Сорелл. К ней я бы съездил. Мне понравилось ее слушать.

– Не сомневаюсь. Мог бы ты от нее чего-нибудь добиться?

– Мог бы попытаться. Например, изменить решение и дать письменные показания. Или, если она все же надумала нанять вас, я привез бы ее сюда, а дальше вы сами. У нее потрясающие ресницы.

– Возможно, до этого и дойдет, – хмыкнул он. – После ланча обсудим. Может быть, когда они встретятся с мистером Отисом... Да, Фриц?

– Ланч готов, сэр.

Глава 7

Я так и не проверил их алиби, хотя я тут ни при чем. При чем был инспектор Кремер.

Поскольку за столом Вулф не желает утруждать ни язык, ни мозги, отвлекаясь на дела, а расследование убийства – все же дело, даже если вести его без клиента и бесплатно, за время ланча мы никуда не продвинулись, но, когда вернулись в кабинет, Вулф, устроившись в кресле поудобнее, попытался придумать, чем бы меня занять. Проблема в этом деле заключалась в том, что все было слишком просто. Мы знали, где и как совершено убийство и что убийца – это один из троих. Да, но кто? Раз, два, три, убийцей будешь ты? Даже мотив был очевиден. Миссис Сорелл подцепила его на крючок, предложив либо хороший процент от тридцати миллионов, которые перепали бы ей в случае победы, либо что-то более личное. Какую тут ни придумаешь версию, ею уже занимались полицейские, нам осталась только миссис Сорелл, но даже если я снова к ней попаду, мне будет нечем ее заинтересовать. Тут требовалась хорошая порция гениальности Вулфа, но она, похоже, взяла выходной. Сидя в кабинете после ланча, я, возможно, немного злоупотребил своим близким к нему расположением, иначе он не рассердился бы и не рявкнул, чтобы я катился проверять алиби.

– Вот и отлично, – сказал я и пошел за шляпой и пальто в прихожую, а там увидел на крыльце довольно знакомые фигуры. Я открыл дверь ровно в тот момент, когда Кремер нажал на кнопку звонка, и спросил у него: – Вам назначено?

– У меня в кармане ордер на твой арест как важного свидетеля. И второй для Вулфа. Я вас предупреждал.

Из его слов я сделал два вывода. Во-первых, он не собирался с ходу начинать пальбу. Если бы он и в самом деле хотел нас арестовать, то прислал бы детективов, а не явился бы сам в сопровождении сержанта Пэрли Стеббинса. Во-вторых, это была хорошая возможность преподать Вулфу урок. Парочка прицельных, не совсем вежливых замечаний разозлит Кремера достаточно, чтобы он употребил власть, а Вулф, проведя под стражей часок-другой, а может быть, и всю ночь, наверное, избавится от привычки оставлять галстуки где попало. Но в таком случае мне придется отправиться вместе с ним туда же, а это несправедливо, и потому я вернулся в кабинет, предоставив Пэрли честь запереть дверь вместо меня, и доложил:

– Кремер и Стеббинс с двумя ордерами. Инспектор – за вами, сержант – за мной. Я польщен.

Вулф посмотрел на меня свирепо, а когда они вошли следом, перевел этот свой ласковый взгляд на них.

– Я вчера вас предупреждал.

Кремер положил пальто на подлокотник красного кожаного кресла и сел.

– Глупости! – фыркнул Вулф.

Кремер достал из кармана бумаги:

– Я прибегну к ним, если вы меня вынудите. Если вас арестовать, я знаю, что будет: вы откажетесь говорить, Гудвин тоже, а как только появится Паркер, вас выпустят под залог. Но запись на вас останется, и с этим вы ничего не сделаете. Задержание как важного свидетеля – одно дело, но арест за препятствие правосудию – совсем другое. Мы не разглашали содержание показаний Гудвина в интересах следствия, и вы прекрасно об этом знали, но взяли и раскрыли. И кому? Подозреваемым. Мы узнали от Фрэнка Эдея. Он позвонил помощнику окружного прокурора.

Снова он, человек блестящих идей.

– Осел, – объявил Вулф.

– Ну да. Поскольку вы с ними беседовали конфиденциально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.